БОРИС КОНОФАЛЬСКИЙ

ПЛОХАЯ ВОЙНА

Путь инквизитора

Путь инквизитора

Борис Конофальский

Плохая война

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Конофальский Б.

Плохая война / Б. Конофальский — «Издательство АСТ», 2023 — (Путь инквизитора)

ISBN 978-5-17-153538-4

Ярослав Волков одержал блестящую победу над горцами, но это не означало еще, что война выиграна. Сегодня его чествуют как победителя и героя, подносят драгоценные дары и прославляют под звон церковных колоколов, но не пройдет и дня, как можно ожидать предательства. Идет плохая война – та самая, где не берут пленных и сражаются до последнего, причем кавалеру приходится вести сражения не только с горцами, но и с теми, кого он от горцев же и защитил. У его новых противников, не привыкших сражаться на поле боя, уже готово страшное оружие – клевета, подлости и яд…

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-153538-4

© Конофальский Б., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 16
Глава 4 20
Глава 5 26
Глава 6 30
Глава 7 35
Глава 8 40
Глава 9 46
Глава 10 50
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Борис Конофальский
Плохая война

© Конофальский Б., 2023
© ООО "Издательство «АСТ», 2023

Глава 1

Он и вспомнить не мог, как снимал доспех, но доспеха на нем не было, а он лежал на перине, в уютной телеге с большими бортами, словно в колыбели, и под шубами. Лежал и слышал, как совсем рядом хрустит овсом лошадь, кто-то недалеко рубит дрова. Слышал чей-то отдаленный разговор, скрежет чана, который кто-то скребет песком. Пахло сыростью, и дымом костра, и горелым луком, и холодной рекой. Эти запахи возвращали его в молодость, так пахло тогда… Давным-давно. Лежать бы так и лежать, не вылезать из-под шуб и перин, но ему было нужно… Нужно. Ему всегда было что-то нужно делать, и сейчас Волкову просто необходимо было знать, чем все закончилось и что он проспал.

Кавалер откинул шубу. А рука-то слабая, силы в ней нет совсем. Сел. Огляделся. Кругом лагерь, что ж еще. Его солдаты, он узнал их сразу. Кругом его земля, его река – и ее узнал, и заставу на холме, которую построил сержант Жанзуан. Всё вокруг его. Серый холодный день, дождь со снегом едва-едва идет, кругом обычная грязь. Света мало, его едва пропускают низкие тучи. Скоро Рождество. Темное время.

– Кавалер проснулся! – звонко кричит кто-то.

Его заметили. Волков оборачивается на крик – это один из сержантов Рене. Сержант неподалеку чистит пучком соломы бока хорошему коню. Видно, взял в трофеях. Это хороший сержант, Волков его помнит. Сержант радостно ему кланяется. Кавалер машет сержанту: «Не кричи, дурак!» Но уже поздно.

– Кавалер проснулся! – кричит кто-то дальше и еще громче.

Тут же из-за кустов, как будто там и ждал, звякая мечом о поножи, выходит Брюнхвальд. Он не улыбается, он вообще редко улыбается или смеется. Сейчас он важен, направляется к кавалеру, на лице печать торжественности. Видно, собирается делать доклад. Нет, доклад будет после, теперь Карл Брюнхвальд подходит к телеге и говорит негромко:

– Друг мой, как вы себя чувствуете?

Волкову, может, и хотелось бы пожаловаться, что, мол, слаб, что в голове ясности нет, что рубаха грязна, он ее дня три или четыре не снимал, но разве он себе такое позволит.

– Достаточно хорошо для дела, – отвечает он.

– А нога ваша не докучает?

Нога? Он даже позабыл про нее.

– Нога не докучает, и силы, кажется, возвращаются. Вы лучше скажите, Карл, как неприятель? Где он?

– В ваших землях никакого неприятеля больше нет, – сообщает Брюнхвальд. Теперь он и улыбается, и важен одновременно. – Горцы биты, причем так, что немногие смогли уйти к себе, добравшись до лодок. Во владениях ваших горцы есть лишь пленные, скорбные болезнями и ранами и о милости не просящие. Мы взяли весь их обоз, лодки, что были у берега. Много оружия, арбалетов, доспехов – они всё бросали, когда кидались в реку.

К телеге подбежал младший из Брюнхвальдов. Он в разговор старших не влезает, но видно, что рад видеть рыцаря бодрствующим.

– Впрочем, делами вам докучать не буду, вы бледны еще, друг мой, – говорит Карл Брюнхвальд. – Вам нужен хороший обед.

– Обед, а разве сейчас не утро? – Волков кутается в шубу и смотрит на небо, с которого ему на лицо падают мокрые снежинки.

– Нет, кавалер, – говорит Максимилиан, – не утро, уже скоро день к вечеру пойдет. Сейчас распоряжусь вам обед подать. Теплая вода есть. Мыться будете?

– Конечно, будет, – отвечает за Волкова старший Брюнхвальд. – Распорядитесь, Максимилиан, и найдите монаха, чтобы тот проверил здоровье кавалера.

– И сапоги, – напоминает Волков, пока мальчишка не убежал. – И белье чистое.

– Сейчас всё будет исполнено, – обещает юноша и убегает.

Волков и Брюнхвальд смотрят ему вслед.

– Ваш сын почти вырос, Карл, – говорит кавалер.

– Я рад, что он рос у вас в учении, – отвечал ротмистр.

Кавалер спускает ноги с телеги.

– Значит, мы их побили?

– Побили, кавалер.

– Крепко?

– Крепче быть не может, из тех, кто сюда пришел, и трети уйти не пришлось. А из тех, кто ушел, так многие еще и в реке потонули.

– Расскажите, как дело было.

– Как вы и велели, когда они только повернули, я приказал всем нашим строиться сначала в баталию на склоне, думал, они перестроятся и опять колонной на нас пойдут, но они стали уходить за холм, а пушки их еще побили. Признаться, мы попадали и попадали. И я приказал Рохе идти за ними.

– Рохе? – удивился Волков. – А отчего же вы не велели кавалерам на вражеский арьергард навалиться?

Тут Брюнхвальд вдруг замолчал, чем удивил Волкова немало.

– Что же с кавалерами было, ротмистр? – спросил он, видя, что Брюнхвальд молчит.

– Кавалеры к тому времени пребывали в полной рассеянности, совсем растеряли строй, – ответил ротмистр.

Тут как раз пришел Максимилиан с двумя солдатами, они несли воду, сапоги и одежду. Волков скинул несвежую рубаху, стал мыться, вытираться, он больше ни о чем не спрашивал у Брюнхвальда. А тот, видно, не собирался оправдываться за других, тоже молчал и ждал, пока кавалер закончит туалет.

Свежая рубаха, стеганка… Кольчугу и берет надевать не стал – надел простой солдатский подшлемник с тесемками, было холодно. Сапоги, перчатки, меч. Волков, хоть и ощущал слабость, да кто о том знает, с виду он был, как всегда, бодр и строг.

– Максимилиан, распорядитесь об обеде.

– Уже, кавалер, но повара вам обед готовить еще не начали, придется подождать.

– Ждать некогда, у солдат обед готов? Бобы остались, горох, сало?

– Пообедали уже, но что-нибудь найдем.

– Побыстрее. – Волков поворачивается к Брюнхвальду: – Надеюсь, Гренер жив и здравствует?

– Здравствует, здравствует, – заверил его Брюнхвальд.

Но тон у Брюнхвальда был уже другой.

– Максимилиан, Гренера ко мне. Немедля.

* * *

Солдаты из роты Брюнхвальда уже ставили его шатер, искали мебель по обозу, но Волкову не терпелось. Он был голоден, но голод перетерпел бы. Кавалер надеялся, что, поев, быстрее избавится от слабости, которая его раздражала. Ему уже несли бобы в хлебной подливе, толченое сало с чесноком и свежим хлебом, сухофрукты, два вида сыра и вино. Всё ставили прямо на бочку из-под пороха. Кавалер сел есть, во время обеда со всех концов лагеря собирались офицеры и молодые люди из его выезда. Все спешили к нему, чтобы поздравить его с победой. Тут был и капитан фон Финк, и Рене, и Бертье. Они кланялись, поздравляли Волкова,

останавливались неподалеку, переговаривались. Он отвечал и улыбками, и поднятием кубка. Только Роха, болван, допрыгал до кавалера на своей деревяшке и полез обниматься.

– Жив? Чертов Фолькоф, я уж думал, что ты не вылезешь из-под чертовых перин, совсем был белый, когда с тебя снимали латы. Белый, и пальцы такие холодные, как у покойника. Да монах у тебя молодец, молодец. В который раз убеждаюсь.

От него несло луком, дешевым винищем и потом. Кавалер всем видом показывал ему, что сие поведение сейчас недопустимо, но Роха крепко держал его.

– Ты что, болван, щупал меня, пока я был в беспамятстве? – спросил Волков, морщась от таких душистых объятий.

– Ну, не то чтобы щупал – пожал руку на прощание, думал, что ты преставишься, уж больно бледен ты был и холоден. – Роха выпустил кавалера из объятий, но не отошел и продолжал: – А мы им крепко врезали, друг, крепко, жаль, что ты не видел этот берег позавчера. – Роха повел рукой. – Тут всё, всё было завалено мертвяками. А еще сколько их водой унесло – не сосчитать. У нас пленных полторы сотни, ребята ждут твоего решения – что с ними делать.

– Хотят их перерезать? – спросил Волков.

– А как же, перерезать, или покидать их в холодную воду, или еще что похуже.

– Значит, плохая война? – спросил кавалер, отпивая вина.

– Истинно так, брат, плохая война.

Тут среди господ офицеров появился Максимилиан, за ним шел Иоахим Гренер. Доспехи его видали и лучшие времена, а сапоги и плащ были откровенно стары. Гренер был невесел, он имел вид человека, который знает о своих ошибках. Прибывший поклонился кавалеру.

– Рад видеть вас в здравии, сосед.

Волков ответил ему кивком и, опять отпивая вина, спросил:

– Друг, скажите мне, отчего люди ваши не смогли преследовать отступающего врага, отчего не заходили ему во фланг по ходу движения, отчего не наезжали на его арьергард, на обоз?

Гренер снял шляпу, приложил ее к груди и тяжело вздохнул, но отвечать, кажется, не собирался.

– Слушай, Фолькоф, всё и так хорошо получилось, – забубнил Роха, собираясь, кажется, выгораживать Гренера. – Ничего, мы и без кавалеров управились.

– Помолчи, Роха, дозволь ответить моему доброму соседу, – велел Волков.

– А он тебе ничего не скажет, – продолжал Скарафаджо, как всегда, фамильярно.

– Да помолчи ты! – рявкнул кавалер. – Гренер, вы можете сами рассказать, что было? Или мне слушать этого болтуна, этого глупого адвоката с деревяшкой вместо ноги?

– Да, – нехотя отвечал старый кавалерист. – Что ж, скажу, раз так…

– Прошу вас, уж просветите меня.

– Как вы и велели, когда колонна горцев стала наседать, я вывел своих людей. Поставил справа от холма, чтобы смотреть врагу в правый фланг колонны. Построил в три ряда, как положено: первый ряд – кавалеры, второй ряд – оруженосцы и послуживые, в третий ряд поставил всех молодых и с плохим доспехом. Колонна горцев сразу замялась, остановилась.

– Это я еще видел, – вспомнил Волков.

– Ну, как вы и приказали, я просто стоял, всем своим людям говоря, что без приказа мы и шагу ступать не должны. Я ж все понимал, – говорил Гренер, продолжая прижимать шляпу к кирасе. – Я помнил всё, что вы мне говорили. Главное – дать работать стрелкам, арбалетчикам и пушкам.

– Ну правильно, и что же было дальше?

– А дальше, – вставил Роха, – их арбалетчики от нас убежали и побежали через поле к Гренеру.

– Да, – кивнул Иоахим Гренер. – Они пришли к нам и стали кидать в нас болты.

– Я бы тоже так поступил, – заметил Волков, – тоже захотел бы спровоцировать вас на атаку. – Старый кавалерист только вздохнул. – И что случилось дальше?

– Кавалеры стали волноваться. Им не нравилось стоять под арбалетными болтами, хотя арбалетчики били с предельной дистанции, а латы у всех и в первом, и во втором ряду были хорошие. Я поехал вдоль рядов, я пытался их успокоить, но они меня мало слушали. Да еще у меня… как раз тут мне и убили коня. Не поверите, сосед, прямо в яремную жилу попал болт, насмерть. А конь был хороший. Да, хороший был конь.

Волков не мог припомнить ни одного хорошего коня у Гренера. Он молчал и слушал.

– Кавалеры стали кричать, что им побьют коней, что надо сбить арбалетчиков.

– Это кричали люди барона? – уточнил Волков.

– И люди барона, и другие рыцари – все, все кричали, не хотели стоять.

– Так надо было отвести их обратно в кусты! – не выдержал Волков. – Отвести в заросли.

– Я пытался, но они меня не слушали, – проговорил Гренер печально.

«Пытался… Ты, скорее всего, оплакивал своего старого мерина, которого ты звал конем», – думал кавалер, глядя на него.

– И что же произошло дальше?

– Но тут барон кричит: «Господа, думаю, надо атаковать!»

Волков взглянул на Роху, надеясь, что тот это подтвердит, но старый товарищ молчал, да и как он мог подтвердить рассказ Гренера, когда между стрелками и кавалерией было полмили расстояния.

– Я слышал, как трубили в рог, – вдруг вспомнил Скарафаджо. – Так трубили, что перекрывали весь шум на поле.

– Верно-верно, – оживился Гренер. – Это кавалер Рёдль трубил «атаку», когда барон дал ему знак.

Это была его, Волкова, ошибка. Это он назначил командиром человека, который, безусловно, опытнее всех других, но который не может приказать, а тем более потребовать от благородных рыцарей выполнить приказание, так как не обладает ни особым статусом, ни славной родословной.

– Они кинулись в атаку? – спросил кавалер.

– Именно так, не послушались меня и кинулись в атаку, – ответил Гренер печально.

– А арбалетчики побежали, спрятались за колонну и рыцари налетели на пики? – догадался Волков.

– Да-да, так и было, хорошо, что горцы не успели перестроиться, – продолжал старый кавалерист.

– Сколько погибло кавалеров?

– Один, – сказал Роха. – Я видел на поле одного убитого.

– Один из молодых рыцарей, что приехал с господином бароном, погиб. Я же говорю, горцы не успели перестроиться и переложить пики на фланг, это и спасло кавалеров. Но коней мы потеряли много, треть коней в этой атаке погибли или получили раны.

– А господа кавалеры рассеялись и собрать до конца сражения вы их уже не смогли?

Гренер кинул.

«Болваны. Безмозглое благородное спесивое дурачье, жизнь их ничему не учит, так и будут кидаться в драку без приказа и уходить с поля боя без разрешения. Нет, их время проходит, может быть, даже уже прошло».

Волков вздохнул и показал пустой кубок солдату, что стоял за его спиной, чтобы тот налил еще вина. Кавалер пил вино молча, поглядывал на Гренера, на господ офицеров, что стояли поодаль, на Роху. И по виду Рохи и по виду Гренера вдруг понял, что это еще не весь рассказ.

– Ну, что еще?

Роха покосился на Гренера – мол, спроси у него. Волков уставился на соседа.

– Еще… К сожалению, был ранен барон.

– Адольф Фридрих Баль, барон фон Дениц, был ранен в той атаке? – уточнил Волков.

– Да, – ответил Гренер. – Он заколол одного горца и сломал копье, отъехал и… поднял забрало.

– И ему в лицо попал арбалетный болт, – закончил за Гренера кавалер.

– Да, – подтвердил старый кавалерист.

– Куда?

– Говорят, под левый глаз.

Волков выпил вина.

– Что говорит брат Ипполит?

Это был праздный вопрос. Что мог сказать в такой ситуации самый искусный целитель? То же самое, что и сам Волков. Но Гренер удивил его:

– Ваш лекарь не осматривал барона.

Кавалер уставился на него, и взгляд его был немым вопросом.

– Господин барон и кавалер Рёдль тут же покинули поле боя и поехали на север. Наверное, домой.

– Болт вошел глубоко? – спросил Волков.

– Я не видел, но говорят, что почти до оперения.

«Конечно, до оперения, наверное, наконечник вышел и уперся в заднюю стенку шлема. Возможно, у барона есть шанс». Не хватало еще, чтобы барон погиб здесь. Волков недавно убил и повесил на своем заборе одного придворного графа, местной знати это не понравилось. И ему совсем не хотелось, чтобы любимец всего графства, один из лучших турнирных рыцарей, погиб под его знаменем.

– Вы послали человека справиться о здравии барона? – спросил Волков.

Старый кавалерист стоял растерянно и все еще прижимал к кирасе старую шляпу. Стоял и молчал.

«Господи, какой болван». Кавалер вздохнул.

– Немедленно пошлите человека к барону в замок.

– Я немедленно пошлю человека в замок к барону. – Иоахим Гренер поклонился и хотел уйти.

– Сосед, – окликнул его Волков.

– Да, кавалер. – Тот остановился.

– Передайте Максимилиану, что я велел выдать вам коня из моих конюшен вместо погибшего.

– О, сосед, друг мой… – Гренер уже сделал к нему шаг, протянул руки. Кажется, обниматься хотел.

– Ступайте, ступайте! – Волков поморщился.

Глава 2

То ли от вина, то ли от хорошей еды, но после обеда он стал чувствовать себя получше. Брат Ипполит как раз пришел к концу обеда, щупал его лоб, держал руку, спрашивал, спрашивал, спрашивал о самочувствии что-то. Волков с ним говорил и был ему рад, как бывают рады близкому, молодому и умному родственнику.

Монах долго щупал обрубок уха, не горячий ли, и шею посмотрел, но там уже на месте ранения красовался хороший синий рубец. Потом брат Ипполит прикоснулся к небритой щеке кавалера.

– Хорошо. Хорошо, что румянец есть, а жара нет. Вы, как поели, тошноты не чувствовали, позывов к рвоте не было?

Волков поглядел на него из-под бровей и строго с недоумением переспросил:

– Тошноты?

– Лекарство слишком крепкое пили долго, может нутро воротить и слабить чрево и стул, – пояснил юный врачеватель. – Так не воротит вас от еды?

Кавалер продолжал молча смотреть на молодого человека. «Монашек уже не тот, что прибежал за мной в замок госпожи Анны».

Брат Ипполит возмужал. Ему и бриться уже можно. Лицо обветренное, руки зачерствелые, как у мужика, и сильные. Одежда монаха уже совсем стара, из рукавов нитки торчат. Капюшон, кем-то наполовину оторванный, пришит криво и простыми грубыми стежками; шерстяные носки, которые он надел под сандалии, мокры совсем; деревянный крест на бечевке; сам подпоясан веревкой. Монашеская одежда спереди и все рукава в темных потеках – врачевал раненых.

Волков на вопрос его не отвечал, сам спрашивал:

– Нуждаешься ли ты в деньгах?

– Я? В деньгах? – Кажется, брат Ипполит был удивлен. – Так вы мне на книгу давали, у меня сдача еще с тех пор лежит. В деньгах я не нуждаюсь. Господь от корысти миловал.

– Совсем тебе деньги не нужны? – удивляется Волков, понимая, как ему повезло встретить такого человека.

– Господин, живу я лучше, чем в монастыре братия живет: сплю на перинах и в тепле – братья спят в кельях на досках и тюфяках, даже зимой кельи не топятся, разве что лампадой согреваются, да и то если ключник масла даст; ем еду всякую, которой братья лишь по праздникам балуются; занимаюсь делом любимым; ни аббата, ни приора надо мной нет – чего же мне еще желать, чего Бога гневить глупыми желаниями?

Волков встал, взъерошил волосы молодого человека.

– Все равно возьмешь денег, купишь себе хорошую одежду. Брата Семиона видел?

– О! – произнес юный монах, кажется, с восхищением.

– Ну, не такую, может, как у него, но хорошую одежду купи. Купишь крест себе серебряный или хотя бы медный. И чтобы одежду новую берег, кровищей и гноем не поганил: при мне должен состоять человек умный, статный и опрятный.

Волков пошел к офицерам, что все еще ждали его.

– Господин! – Монах пошел рядом. – Серебряный крест – это хорошо, но, может, дадите лучше мне денег на книгу? Очень нужная книга. Та, что у меня есть, не так хороша, требуется мне атлас по всем костям человеческим, я такую у великого костоправа Отто Лейбуса видел. Помните костоправа из Ланна?

– Помню-помню. Хорошо, деньги на книгу получишь, но одежду все равно купи, – закончил кавалер, подходя к офицерам.

Он стал пожимать им руки, всем до единого, начинал с Брюнхвальда и не пренебрег молодыми людьми из его выезда и рыцарями, и говорил при этом:

– Господа, все мы – участники славного дела, первый раз били их на реке, так злые языки, я слышал, говорили, будто бой вышел нечестный, что исподтишка да на переправе врага побили. А теперь всем говорунам и сказать нечего будет, отцы и деды смотрят на нас без укоризны. Посему прикажу к завтрашнему дню готовить пир.

Еще не закончил он руки пожимать всем людям своим, как началось то, что всегда следует за победами.

– Кавалер, – капитан фон Финк говорил приглушенно, – дозволите ли мне побеседовать с вами наедине?

Волков вздохнул, он уже знал, о чем пойдет речь.

– Что ж, прошу вас.

– Кавалер, для меня честь быть на вашем пиру, но мне пора уже и домой идти.

– Очень жаль, капитан, очень жаль, – отвечал Волков.

– Но прежде чем уйти, я хотел бы получить часть добычи, что причитается мне и моим людям.

– Помилуйте, друг мой! – Кавалер сделал вид, что удивляется. – Так разве же я не выплатил вам денег вперед?

– Да, выплатили, выплатили, – соглашался капитан, – но по уложению кондотьеров, по которому до сих пор живут все люди воинского ремесла, все равно нам причитается часть добычи, взятая железом, а не переговорами.

Волков поморщился, он и сам наизусть знал воинские правила, просто не думал, что капитан станет мелочиться.

– И что же вы хотите делить? В лагере горцев мы много не взяли, только то, что смогли унести, большую часть потопили и пожгли. Обоз у них был мал.

– Верно, верно, – соглашался фон Финк. – Из лагеря взяли только то, что на баржу влезло. Но и того немало было. А обоз у них был мал, это так, это так, но вот лодок на берегу одиннадцать, а еще и три баржи – всё нами взято, – и доспех, что по берегу раскидан и с мертвых снят, и оружие… Ротмистр Рене говорил, что одних арбалетов семьдесят две штуки собрано.

Он уже начинал раздражать Волкова, но тот вида не показывал.

– Капитан, только что вы мне про уложение кондотьеров говорили, так давайте ему и станем следовать. Всё, что взято, будет делиться по чести старшими офицерами в присутствии солдатских старшин и избранных корпоралов.

– Я об этом и говорю, об этом и говорю! – закивал капитан. – Мне надобно уходить, а раздел добычи нескоро выйдет – может, вы мне мою долю сейчас, вперед выдадите?

«Чертов мошенник».

– То невозможно, – отрезал кавалер. – Так как нет у меня денег при себе, и к тому же как же мне знать, какова будет ваша доля.

– За многим я не гонюсь, не гонюсь. – Капитан говорил вкрадчиво и даже заискивающе. – Считал я в уме, что по солдатам, сержантам и офицерам доля моя будет семьсот талеров Ребенрее. И того я у вас не прошу, думаю, что по-божески и по чести будет взять мне шесть сотен монет. А коли нет у вас их при себе, то достаточно мне от вас векселя за вашим именем.

«Чертов мошенник! Ты бы так дрался, как торгуешься, и оказался бы лучшим генералом, что видел свет божий».

– Нет, – твердо ответил кавалер. – Нет, сидите и ждите своей доли; как всё поделится, как всё продастся, так свое и возьмете. А ежели торопитесь, так оставьте от себя офицера, а от людей своих корпоралов.

Фон Финк поджал губы, всем своим видом выказывая разочарование.

– Очень жаль, кавалер, очень, что не выходит у нас с вами сердечная дружба.

Волков не удержался и фыркнул, чуть не засмеявшись.

– Что ж это за дружба такая, которую вы векселями измеряете?

Фон Финк не удостоил его ответом.

Солдаты собирались или вставали от костров и поднимали вверх оружие, когда Волков с офицерами шел мимо.

– Эшбахт! Эшбахт! – неслось над лагерем.

Это его имя выкрикивали солдаты. Да, его новое имя. В его честь звонили колокола больших городов, его имя кричали глашатаи и зеваки, но никогда его имя не кричали те люди, которых когда-то он считал своими братьями.

– Эшбахт! – неслось над лагерем.

О чем мечтал Волков длинными и холодными ночами в караулах и секретах… Не об этом ли? Даже и близко такого не было. Сначала он мечтал о ста талерах, потом о доме, о жене и небольшом капитале, о лавке с пряностями, об оружейной мастерской в тихом и узком переулке. В лучшем случае о небольшом конном заводике на двадцать коней. О победах над горцами? Никогда.

– Эшбахт! – рычали охрипшие и простуженные солдатские глотки, орали так, что спасшиеся горцы на той стороне реки слышали.

А он шел спокойный, холодный, невосприимчивый ни к страху, ни к лести, ни к славе. Он, рыцарь божий, хранитель веры, Иероним Фолькоф фон Эшбахт, коего кличут Инквизитором, заслужил эти крики и эту славу. Он заслужил восхищение этих смелых и жестоких людей. Это он вел их к победе вопреки всему, он заставлял их надрываться в невыносимых усилиях, чтобы победить. Он заставил их сделать то, во что сами они не верили. Благодаря ему они победили непобедимых. Так пусть славят его еще громче, чтобы горские женщины, пришедшие узнать, что сталось с их мужьями, знали, кого им проклинать, чтобы по всей реке, по всей огромной реке шла о нем слава. Пусть лодочники и купцы разнесут весть до самого холодного моря, что он, кавалер Иероним Фолькоф фон Эшбахт, дважды разбил сильнейшего врага – врага, перед которым склонялись короли, герцоги и даже сам император.

– Эшбахт! – продолжали кричать солдаты.

Он кивал им и шел дальше, даже когда ему хотелось остановиться и поговорить со знакомым солдатом или сержантом. Нельзя, нельзя этого делать, иначе они и в бою захотят перекинуться с ним парой слов, или, не дай бог, посоветовать ему что-нибудь, или оспорить его приказ. Он шел дальше, дальше к воде, туда, куда вел его ротмистр Рене. Только один раз Волков остановился.

– Эшбахт! – крикнул один высокий и еще не старый солдат с перевязанной рукой.

Кавалер остановился, и все офицеры остановились с ним.

– Я помню тебя, ты из людей фон Финка. Из тех, кто не побоялся спрыгнуть в овраг, когда убивали капитана райслауферов.

– Именно так, господин, это я, – чуть робея, отвечал солдат.

– Тебе и тем, кто был с тобой в овраге, ротмистр Бертье обещал по пять талеров. Я не забыл. Вы получите деньги.

– Спасибо, господин, спасибо, – кланялся солдат. – А не найдется ли у вас места для меня? Я слыхал, что вы своим солдатам даете немного земли и разрешение жечь кирпич. Может, один из ваших офицеров возьмет меня к себе в роту? А с солдатами я договорюсь.

– Как тебя звать, солдат?

– Роммер, господин, Эйнц Роммер.

– Мне нужны храбрецы, Эйнц Роммер, – произнес Волков и невесело подумал о том, что это сражение было не последним его сражением. – Когда вернемся в Эшбахт, попросишь у моего знаменосца ленту.

– Ленту? – не понял солдат. – Какую ленту, господин?

– Бело-голубую ленту цвета моего знамени, такую, какие носят на руке мои сержанты, – сказал кавалер и пошел дальше.

– Ленту?

Эйнц Роммер еще недоумевал, но солдаты, что были с ним рядом, уже всё поняли, начали его поздравлять. Они хлопали его по плечам, по-дружески стучали кулаками ему по спине, требуя с него выпивку.

* * *

…Захваченных горцев держали на берегу, там их легче было охранять. И плевать, что с воды дул ледяной ветер, а пленные были раздеты и многие из них ранены. Плохая война – это есть плохая война. Их все равно ждала смерть. Горцы и сами всегда казнили пленных: даже благородных, за которых можно было взять выкуп, убивали, а уж с солдатней так и вовсе не церемонились. И сами они теперь на пощаду не рассчитывали. Они сидели, сбившись в кучи, плотно прижимаясь друг к другу, стараясь так беречь тепло; раненые лежали тут же, без всякой помощи.

– Я приказал их не кормить: к чему тратить хлеб. Солдаты грозятся их перебить и без приказа, – сказал ротмистр Рене, которому было поручено охранять врагов.

Волкова не удивило то, что солдаты уже точат ножи на пленных, его как раз удивило то, что их не перебили сразу.

– Всего их сто двенадцать, шесть сержантов и два офицера, это все местные, из кантона Брегген. И еще тридцать три райслауфера из соседних кантонов.

– Господин! – крикнул один из людей Рене, стороживший пленных. – Когда можно будет пустить их поплавать? Осточертело их охранять.

– Выполняй, что приказано, – сухо откликнулся кавалер.

Были времена, когда он люто ненавидел горцев и ни одной лишней секунды не дал бы им прожить. Но в те времена он являлся простым солдатом. А сейчас все по-другому, теперь он должен думать наперед.

– Рене! – позвал Волков.

– Да, кавалер.

– Дайте им хлеба и разрешите жечь костры.

– Хлеба? – удивился ротмистр.

– Да, и еще дайте знать на тот берег, что я приму парламентеров, – все так же твердо продолжал кавалер.

– Парламентеров? – переспросил Рене.

– Именно, Рене, пусть приезжают сюда, я хочу говорить с ними. И, пока не поговорю, пленных резать не дозволяю.

Офицеры, все, кто слышал его, находились в недоумении. Они переглядывались. Даже командир арбалетчиков Стефано Джентиле был удивлен, хотя какое ему, ламбрийцу, дело до местных обычаев и правил.

– Роты будут недовольны таким решением, – заметил Бертье.

– Роты всегда чем-то недовольны, – назидательно ответил Волков. – Вам бы пора уже знать, ротмистр, что в ротах есть офицеры, которые могут угомонить недовольных болванов. – И, понимая, что этим смутил храбреца, повернулся к нему и спросил: – Как вы, Гаэтан? Вижу, ваши раны тяжелее, чем мне казалось.

Лицо ротмистра было сильно разбито, едва начало заживать, подбородок вообще был зашит одним стежком – толстая черная нитка стягивала разошедшуюся от рассечения кожу. Рука его была перемотана тряпкой. Волков помнил, что Бертье досталось в овраге, но крепыш держался молодцом.

– Ваш монах просто колдун, кавалер, он мне вернул здоровье за день, а ссадины сойдут, я готов уже к новому сражению.

– Господа! – произнес Волков. – Не все это видели, но наш славный Бертье приложил сил для победы больше, чем кто-либо из нас.

Офицеры кивали, хлопали ротмистра по плечам.

– Я сам не трусливого десятка, но даже я крепко бы подумал, прежде чем прыгнуть в овраг, переполненный горскими свиньями, – продолжил кавалер. – Это Бертье умудрился убить капитана наемников, причем их же оружием. Думаю, что выражу общее мнение, когда скажу, что вы, Гаэтан, достойны большей награды из добычи, чем остальные, хотя и другие делали то, что должно, и упрекнуть мне некого.

Волков не стал упоминать Гренера, это было ни к чему. Славная победа все равно свершилась, хоть кавалерия почти не внесла своей лепты в общее дело.

Офицеры радовались, а кавалер почувствовал, как в нем заканчивается та благость, что дали ему вино и простая солдатская пища. Тут ему на ум пришли вопросы брата Ипполита о тошноте. Он позвал к себе Максимилиана.

– Шатер мой поставили?

– Должны были, – кивнул тот. – Я схожу проверю.

– Нет нужды, – остановил его кавалер. – Господа, на сегодня более сил у меня нет, хворь еще не отпустила меня, прошу простить, я пойду прилягу.

Офицеры ему кланялись, а он – офицерам.

В шатре печь уже пылала, было там тепло. Максимилиан помогал господину раздеться, стаскивал сапоги. Хоть и тошнило кавалера, но говорил:

– Ты теперь мне не оруженосец и не паж, ты теперь мой знаменосец.

– Я знаменосец? – не поверил юноша. Он так и застыл с сапогом Волкова в руках.

– Ну, ты же носишь мое знамя?

– Носил, пока более достойных не было.

– Более достойных я и сейчас не вижу. Сапоги отныне уже не твоя забота, сыщи мне денщика. А оруженосцем будет Увалень. Кстати, а где он?

– Послан к епископу в Мален и к госпоже Эшбахт с вестью о победе, – ответил Максимилиан.

– Хорошо, хорошо, – кивнул кавалер. – Но за конями все равно следи, мне нравится, как ты следишь за моими конями.

– Спасибо, кавалер, спасибо! – Юный знаменосец схватил его руку и поцеловал. – Для меня большая честь служить при вас.

Волков лег на свою походную кровать, и Максимилиан накрыл его периной.

Глава 3

Кавалер чувствовал себя все еще нехорошо. Но тошнота – бабья болезнь, в его представлении она не была причиной для лени и безделья. Едва рассвело и он позавтракал, как пришел Карл Брюнхвальд со списками всего захваченного у горцев. Трофеев оказалось не так чтобы много. Из ценного только оружие и доспехи, ну и лодки с баржами. Все остальное провиант, но и его немного.

Закончив перечисление, ротмистр спросил:

– А что делать с пленными? Солдаты будут рады, если вы отдадите пленных им.

Волков сидел на кровати, кутался в шубу, несмотря на то что в шатре топилась печь, и молчал. Да, он понимал солдат и их вековую ненависть к горцам, он тоже ненавидел этих жестоких и спесивых мерзавцев с гор. Но кавалер давно не был солдатом, он даже уже не был офицером и не имел права ни на эмоции, ни на желания. Он должен думать о будущем. Пойти на поводу у солдат и перерезать полторы сотни горных свиней – это, конечно, приятно и потешит его самолюбие, и солдаты окажутся довольны своим командиром. Только ничего этого не будет. Он должен думать о будущем. А какое у него будущее? Бесконечная война с кантоном, который в десять раз сильнее и в сто раз богаче его? И что ждет его в таком будущем, кроме бегства или смерти? Нет, необходимо думать наперед.

– Кормите их, – наконец сказал кавалер Брюнхвальду, – разрешайте жечь костры. Раненых, что умерли, сложите на берегу, чтобы с того берега их было видно.

Ротмистр решения, кажется, не одобрил, но возражать не стал.

– Как пожелаете, кавалер.

Он поклонился и вышел. Тут же в шатре появился Максимилиан.

– Кавалер.

– Да.

– К вам отец и сын Гренеры, примете их?

Волков поморщился от приступа тошноты.

– Что им нужно?

– Младший Гренер только что прибыл из замка барона фон Деница.

– А… Ну, зовите, но сначала принесите мне вина. – Кавалеру казалось, что вино прогонит тошноту, что докучала ему все утро. Он чуть подумал. – И скажите поварам, чтобы согрели мне его со специями.

* * *

Иоахим Гренер и его сын Карл стояли в шатре и ждали, пока Максимилиан наполнит кубок господина горячим вином, а сам Волков смотрел на гостей и ничего не понимал.

– Что значит – барона нет в замке? – наконец спросил он, когда вино было налито.

– Управляющий сказал, что господин барон и его рыцари как уехали на войну, так еще не возвращались.

– И кавалера Рёдля тоже нет в замке? – продолжал удивляться Волков. – Иоахим, вы же сказали, что Рёдль уехал вместе с бароном, как только тот получил ранение.

– Именно так и было, кавалер, – отвечал старший Гренер.

– Да-да, я сам это видел, это случилось рядом со мной. Я видел, как был ранен барон. Я даже хотел помочь ему, но они с кавалером Рёдлем быстро уехали, – добавил молодой Карл Гренер.

Волков отпил вина и взглянул на Максимилиана, что стоял рядом с кувшином в руках. Тот, судя по виду, тоже ничего не понимал.

– Значит, барон фон Дениц был ранен в лицо из арбалета, и кавалер Рёдль… – начал Волков медленно.

– Подхватил его под руку, взял повод коня барона, и они поехали через овраг на север, – закончил Карл Гренер.

– Но до замка они не доехали даже сегодня, хотя от холмов до замка барона меньше, чем полдня пути.

– На свежем коне часа четыре, – подсказал молодой Гренер.

Вот только этого ему сейчас и не хватало. Волков опять поморщился от приступа тошноты. Вино с медом и специями ему не помогало. «Чертов барон». Всё складывалось очень нехорошо. Уж лучше бы этот выскочка просто налетел на пику горца и скончался бы прямо на поле боя. Во всяком случае, это оказалась бы достойная смерть славного рыцаря из славного рода. А если он умер от раны по пути домой… То теперь его труп придется искать по всем кустам вокруг холмов. «Как нехорошо получается. Чертов барон, кто его гнал в эту бессмысленную атаку?»

– Максимилиан, позовите ротмистра Бертье, – наконец велел Волков. – А вы, господа, присаживайтесь.

Отец и сын Гренеры опустились на раскладные стулья. Младший Гренер был спокоен и серьезен, а его отец расстроен, он чувствовал и свою вину в произошедшем.

Вскоре появился Гаэтан Бертье, лицо его все еще выглядело ужасно, и рука была перемотана тряпкой, но сам он казался веселым. Он всегда бодр и весел, это кавалеру и нравилось.

– Друг мой, как вы себя чувствуете? – спросил Волков, когда ротмистр появляется в шатре.

– Отлично, кавалер, отчего вы спрашиваете?

– Ваш вид не так хорош, как ваш дух, – заметил Волков.

– Чепуха, я готов к новому сражению, а руку… Ерунда, пустое…

– А лицо, голова?

– Говорю же вам, пустое, синяки, и только. Старший брат мне ставил синяки поярче и почаще…

– Ну хорошо. – Волков немного подумал. – Гаэтан, вы ведь мои земли знаете лучше меня.

– Думаю, что так и есть, – согласился Бертье. – Если бы вы любили охоту, то, может, знали бы свои земли не хуже. Но ведь вы не любите охотиться…

– Да, не люблю, не люблю… И сейчас как раз потребуется ваше знание окрестностей. Вы ведь охотились вокруг холмов.

– Конечно, я же убил там огромного волка, я привозил его в Эшбахт, его шкура у вас дома. Да, того волка я как раз обнаружил чуть южнее южного холма. И кабанов я там бил во множестве, в кустах их сотни.

– Прекрасно. Значит, вы с теми местами знакомы, – подытожил Волков. – Гаэтан, прошу вас, друг мой, возьмите полдюжины людей из ваших, что охотились с вами, езжайте в Эшбахт. Я надеюсь, Ёган не угнал моих лошадей и собак в Мален, – возьмите лошадей и собак и езжайте к холмам… – Тут кавалер замолчал.

– И что, набить побольше кабанов? – поинтересовался Бертье.

«Ну какие еще кабаны? Эх, этому храброму и лихому человеку еще бы ума немного». Волков изобразил кислую мину.

– Нет, Гаэтан. Пропали барон Дениц и его друг кавалер Рёдль.

– Я слышал, что барон был ранен и отправился к себе домой.

– Да, но до дома он не доехал. Мы можем только гадать, где он.

– Я понял, мне нужно его найти, – догадался Бертье.

– Да, необходимо его найти, вдруг ему требуется помощь. Нужно обыскать окрестности от холмов до лачуги монаха и до самой границы моих владений.

– Я отправляюсь немедленно, – вскинулся ротмистр.

– Я очень на вас рассчитываю, Гаэтан, – кивнул ему кавалер.

Не успели еще уйти Бертье и Гренеры, не успел Волков допить вино из кубка, как появился Максимилиан и доложил:

– Парламентеры с того берега просят разрешения прибыть к нам.

– Подавайте одеваться, Максимилиан! – велел кавалер.

* * *

Все было как положено, все было согласно воинским ритуалам. Победитель говорил с побежденными. Волков сидел на стуле у своего роскошного шатра, под своим роскошным знаменем, в своих роскошных доспехах. Весь его выезд стоял за ним, все офицеры были тут же, подле него. Погода стала совсем дурная, повалил снег большими мокрыми хлопьями, река стала темной и серой, как старый свинец. Парламентеров было трое: двое военных и один, видно, из важных господ, седой, в шубе и большом дорогом берете.

Лодке с парламентерами велели причалить там, где на берегу были сложены умершие от ран пленные. Пусть видят. От лодки до шатра представителей вражеского войска вели под конвоем из шести лучших человек, которыми руководил сам Карл Брюнхвальд.

Когда они подошли к шатру, Волков узнал того, что был в шубе, по бородавке на губе узнал, – это был глава гильдии лесоторговцев и член консулата кантона Брегген Вехнер. Он торговался с кавалером из-за плотов, что проплывали по половине реки, принадлежавшей Волкову.

Пришедшие, взобравшись на холм, на котором стоял шатер, поклонились кавалеру. Он не удостоил их ответом. Нечего, пусть знают свое место. Тогда один из офицеров, что шел с Вехнером, представился и представил своих спутников.

– Рыцарь божий, защитник веры и меч Господа, Иероним Фолькоф фон Эшбахт, коего прозывают Инквизитором! – звонко прокричал Максимилиан, выйдя немного вперед.

– Мы знаем, с кем имеем дело, – ответил на это Вехнер. – Зачем вы нас звали, господин Эшбахт?

Он стоял на холодном ветру под мокрым снегом в одних тонких чулках и легких туфлях. Кажется, лесоторговец не предвидел погоду и теперь торопился уехать с этого холодного и негостеприимного берега.

Волков взглянул на его промокшие чулки и ответил:

– Я рыцарь божий, слуга святой матери церкви, мне претит зверообразная жестокость, коей славятся все племена, что проживают в горах. Я надеюсь, что среди пленных не все еретики, предавшие Бога, а есть и истинные верующие и почитающие папу, наместника божьего. А также я верю, что и среди плененных мною, отрекшихся от Бога, найдутся честные сердца, которые найдут путь обратно в лоно матери церкви. И посему я не уподоблюсь вашей дикой ярости и звериной кровожадности, убивать пленных не стану. Я предлагаю кантону Брегген выкупить всех своих пленных. За каждого пленного солдата я прошу десять талеров, за сержанта двадцать, за офицера сто.

Он сделал знак Рене, и тот вынес и протянул Вехнеру бумаги.

– Списки взятых в плен и все еще живых, – сказал Рене.

Член консулата кантона Брегген и глава гильдии лесоторговцев взял бумаги и, даже не взглянув на них, сообщил с пафосом:

– Совет кантона Брегген рассмотрит ваше предложение на первом же заседании.

Волкова перекосило от такого высокомерия. «Рассмотрит на первом же заседании? Ах так?» Но виду он не подал, а произнес холодно и спокойно:

– Хотелось бы добавить, что с сего дня я больше не стану кормить ваших людей, так как хлеба и моим людям не хватает. Да хранит Господь тех, кто верует в него.

«Ну что, это ускорит рассмотрение моего предложения?»

Вехнер, видно, не ожидал такого поворота, взгляд его стал немного испуганный. Видя это, кавалер продолжил:

– Тех, что помрут, да примет Господь их заблудшие души, я велю выкладывать на берег, чтобы с вашей стороны их было видно, пусть матери и жены придут попрощаться.

Теперь и Вехнер, и оба офицера, что прибыли с ним, стояли мрачные, под стать погоде. Ветер трепал бумаги в руке члена консулата, и тот долго не находил, что сказать. Пока наконец не произнес:

– Я сделаю все, чтобы ускорить решение по этому вопросу.

– Я очень на то рассчитываю. Кстати, если завтра мне вернут всех моих людей, что схвачены на вашем берегу, то я стану кормить ваших людей целых три дня, – добавил вальяжно Волков, словно это не очень его волновало.

– И скольких ваших людей мы, по-вашему, удерживаем? – поинтересовался Вехнер.

Это был вопрос с подвохом. Как ни ответь на него, все равно дашь врагу нужную ему информацию. Волков на такие хитрости никогда бы не попался. «Ты еще и хитрить тут надумал!» Он не собирался дальше разыгрывать из себя святого человека, он уже рычал:

– Запомните, Вехнер, если не вернете мне моих людей до завтрашнего утра, я не только перестану кормить ваших, я еще и запрещу им жечь костры, а каждое утро я буду выкладывать их трупы на берег, пока не уложу тут всех до единого. Вы слышите меня, Вехнер?

Этот его рык произвел впечатление даже на приехавших с консулом офицеров. Они внимательно слушали каждое слово кавалера, и, когда он закончил, один из офицеров стал что-то шептать на ухо Вехнеру. Тот рассеянно кивал и потом произнес:

– Мы соберем экстренное заседание совета.

– Это здравая мысль, – уже абсолютно спокойно и едва ли не дружелюбно отвечал кавалер. – Надеюсь, вы примете правильное решение. Да вразумит вас Господь, если вы все еще верите в него.

– Разрешите ли вы нам поговорить с нашими людьми, которых вы удерживаете? – вдруг спросил один из офицеров.

– Конечно, – сразу согласился Волков. – Как только вы дадите мне поговорить с моими людьми, которых удерживаете вы.

Все было ясно, больше у парламентеров вопросов не было. Они раскланялись и пошли к своей лодке.

– Кажется, все прошло хорошо, – заметил Волков негромко.

Говорил он самому себе, но Брюнхвальд, стоявший рядом, расслышал.

– Да, все прошло прекрасно, но, боюсь, наши люди будут недовольны тем, что мы отпустим их заклятых врагов.

– Скажите людям, что они получат часть выкупа, – сказал Волков, морщась от приступа тошноты. От этого недуга он стал раздражаться и крикнул: – Максимилиан! Позовите мне монаха немедля, черт бы все это побрал!

Глава 4

Как хорошо просыпаться и знать, что все самое тяжелое уже позади. Ну, хотя бы в ближайшее время нет нужды надрываться, рвать в себе жилы. А еще он в это утро почувствовал себя здоровым. Таким здоровым, каким не чувствовал давно. У него не саднило обрубленное ухо, не болела нога, хоть и холод на улице был, но, видимо, то, что кавалер не садился в седло и не нагружал ногу сильно, благоприятно на нее влияло. И если не вертеть сильно головой, то и об острой боли в шее можно позабыть. И тошнота, докучавшая ему вчера, закончилась. Многие люди и понять не могут, как это хорошо, когда у тебя просто ничего не болит.

– Максимилиан! – позвал он, слыша голос своего знаменосца за полотнищем шатра.

Полог откинулся, и юноша появился внутри.

– Да, кавалер.

– Это вы с Увальнем сейчас говорили?

– Да, кавалер. Он приехал.

– Зовите его. – Волков сел на постели. Максимилиан был молодцом: на улице зима, а в шатре печка так горяча, что можно ходить без одежды. – И несите мыться.

Александр Гроссшвулле вошел и занял едва ли не половину шатра. Большой человек. Некогда безвольный и рыхлый малый, которого сплавил кавалеру родственник, превратился в могучего молодого человека. От жирных боков, пухлых щек и двойного подбородка и следа не осталось. Он похудел, его лицо обветрилось, а сам он стал взрослее. Дни напролет в седле, еда когда придется и сон урывками сделали свое дело. «Война сало сгонит». Стеганка нараспашку, шапки нет, большие обитые железом сапоги, на поясе тесак, кинжал, боевые рукавицы в руках – да, вид у него залихватский. Дурень-родственник еще и талер Волкову дал, чтобы только Увальня сбагрить. А он каков стал.

Александр поклонился.

– Звали, кавалер?

– Вы храбро дрались в овраге, – начал Волков, – думаю, без вас Бертье не удалось бы убить капитана наемников. Скорее всего, что без вас его бы там самого убили. За тот бой вы заслужили награду, и по воинскому укладу вы получите долю сержанта.

– Спасибо, кавалер. А правда, что теперь Максимилиан у нас будет за знаменосца?

– Да, он и раньше носил мое знамя, но был оруженосцем. Теперь он будет знаменосцем.

– Ясно, – сказал Увалень.

– А вы станете смотреть за моим оружием и доспехом.

– Спасибо, кавалер. – Молодой человек поклонился.

– Дрались вы храбро, – продолжал Волков, – стояли как вкопанный, когда на вас наседали, и удары сносили достойно, спасли Бертье, когда он упал, но вот умения вам все еще не хватает.

Александр понимающе кивал.

– Поговорите с Бертье, он мастерски владеет многими видами оружия. Пусть вас поучит, вам с вашей статью и силой равных будет мало.

– Да, кавалер, я попрошу учения у ротмистра.

– Ладно. Вы были у епископа, как там вас встретили?

Тут солдат принес воду, Волков стал умываться.

– Епископ был рад. Очень. Говорил, что вы Длань Господня. Хвалил вас, меня кормил и все выспрашивал про вас и про то, как дело было.

– Вы видели госпожу Эшбахт?

– Конечно, она же проживает у епископа. – Увалень чуть прибавил многозначительности: – И госпожа Ланге была там же.

– Так они не поехали в дом Маленов и остановились во дворце у епископа?

Волков вспоминал, что так и наказывал Бригитт, но не был уверен, что той удастся уговорить жену жить у епископа, а не в доме отца. «Бригитт молодец, видно, пересилила жену. Вот и славно». Это его порадовало. Он отпустил солдата, и тот унес воду и таз.

– Вот, кавалер, письмо от епископа, – сказал Увалень, доставая бумагу. – Сразу позабыл отдать.

Волков вытер и лицо, и руки, прежде чем взял письмо. Приятно получать письма после победы. Кавалер сел к огню, что горел в маленькой печке, устроился удобно, развернул бумагу. Конечно, епископ его нахваливал. Звал «спасителем» и «истинной Дланью Господней». Говорил, что пишет о его подвиге в Ланн, к архиепископу. Писал и о том, как умолкли в городе те крикуны, что хулили кавалера за раздор с соседями. Оказывается, были и такие. И теперь в городе, да и во всем графстве, а может, и во всей земле о нем иначе, как о полководце, и не говорят. Все было хорошо, вот только епископ ни единым словом не обмолвился о его жене, что у него гостила.

– А госпожа Эшбахт мне письмо не передавала? – спросил Волков у все еще стоящего у входа Увальня.

– Нет, госпожа Ланге просила сказать вам на словах, что молится денно и нощно за вас и целует вам руки, а госпожа Эшбахт ничего не передавала.

Странно это было и не хотел кавалер в этом признаваться, но подчеркнутое небрежение жены кольнуло его прямо в сердце.

«Всю жизнь будет помнить мне Шауберга. Высокомерие свое показывает и показывать будет. Нет, правильно я этого пса, любовника ее, на заборе повесил. Надо было еще у навозной кучи его похоронить и прямо на куче ему крест поставить».

Да нет, конечно, кавалер этого бы не сделал. Не сделал бы… Но вот если бы он мог еще раз убить Шауберга – он убил бы. Ни секунды не медля и ни о чем не задумываясь.

– Значит, госпожа Ланге была рада вестям обо мне? – наконец, спросил он у оруженосца.

– И того не скрывала, – заговорщицки понизив голос, произнес Увалень.

– Хорошо, ступайте, Александр, позовите ко мне монаха, пусть принесет чернильницу и бумагу. Епископ просит рассказать ему, как было дело.

– Да, кавалер.

– А еще скажите повару, чтобы подавал завтрак.

– Да, кавалер.

Поесть Волков не успел. Еще не остыли жареные яйца с кругами румяной кровяной колбасы, как от Рене прибежал сержант и сказал, что с того берега плывет к ним лодка.

– И кто там?

– Не могу знать, господин, люди какие-то, – ответил сержант.

Чуть подумав, кавалер оставил еду, никуда она не денется, накинул на плечи шубу, надел на голову подшлемник и пошел смотреть, кто там к нему пожаловал. Он очень надеялся, что горцы не станут артачиться и согласятся выкупить пленных всех разом, не то ему придется долго продавать их поодиночке родственникам. Это, возможно, вышло бы и выгоднее, ведь за каждого солдата можно просить побольше серебра, но заняло бы слишком много времени. А ему нужны были деньги сразу. И не себе те деньги он хотел забрать, он рассчитывал раздать их солдатам и офицерам. И это помимо лодок, доспехов и оружия, что они уже собирались делить. Пусть берут. Пусть трясут серебром перед своими бабами, пусть бахвалятся, пусть потом все пропьют в кабаке в Эшбахте, но пусть все знают, что господин щедр. Все вокруг должны понимать, что он не просто хороший командир, а что он еще и щедрый командир. Волков чувствовал, что такая слава ему еще пригодится.

Он шел к реке в сопровождении Максимилиана и кавалера Георга фон Клаузевица и поначалу не мог понять, кто плывет к его берегу в большой лодке.

Только когда лодка причалила и через ее высокие борта полезли люди, кавалер, кажется, узнал одного из них. Хоть было еще далеко, но он – слава богу, глаза его не подводили – узнал человека, укутанного в тряпки, хотя тот и сильно изменился внешне. Да, это Фриц Ламме, но уже не тот крепыш, что при небольшом росте был плечами шире самого кавалера. Он сильно похудел и по глаза зарос пегой щетиной. Сыч кутался в тряпье на холодном ветру и немного кашлял. С ним был еще один мужичок из тех, что помогал Сычу в шпионском деле, но имени которого Волков не помнил, прозвище у того было, кажется, Еж.

Кавалер и его сопровождающие остановились на возвышенности и ждали, когда прибывшие сами приблизятся к ним. Тут же к офицерам подошел и Рене, и ротмистр арбалетчиков Джентиле.

Первым, утопая в сыром песке тяжелыми сапогами, шествовал высокий офицер из горцев. Он остановился у подножия невысокого холма, на котором стоял кавалер, и прокричал:

– Господин Эшбахт! Я Франц Родентaль, капитан ополчения Шаффхаузена, привел вам ваших людей, как было уговорено. И прошу вас явить добрую волю и отпустить раненых, чтобы они не погибли на берегу без тепла и ухода.

Кричал все это капитан дерзко, как будто требовал. Так дерзко кричал, что захотелось кавалеру ответить ему, мол, зря ты так нахален, капитан, война-то еще не кончилась, бережет тебя лишь знак парламентера, что несет за тобой твой сержант. Но не стал он этого говорить, а усмехнулся и сказал:

– Ну, что ты там стоишь, чертов мошенник, иди сюда уже.

Сыч оскалился, так он улыбался, и полез на холмик к своему господину. Волков не побрезговал, протянул Фрицу Ламме руку, помогая подняться. Да уж, худ тот был, а руки его были синими, особенно страшны, почти черны, были запястья. А еще, когда он улыбался, становилось видно, что справа нет двух зубов, а когда Сыч уходил на тот берег, зубы эти у него были.

– Ну, изменился ты, я смотрю. Видно, несладко тебе там было без моих харчей, – ухмыльнулся кавалер.

– Да уж, не мед, экселенц. – Сыч тоже засмеялся.

– А вот воняешь ты по-прежнему, – принюхался Волков.

Сыч опять оскалился беззубо:

– Да уж, хряк сдобой пахнуть не начнет.

Он смеялся и ежился от налетевшего порыва ветра. Волков молча снял шубу и накинул Фрицу Ламме на плечи.

– Держи. Максимилиан, найдите какой-нибудь одежды ему… И этому тоже, как там его зовут… – Волков кивнул на второго человека, которого привел капитан горцев.

– Ежом его кличут, – ответил Сыч, лицо его было скорее удивленным, чем радостным, он попытался всунуть больные страшные свои руки в рукава шубы. – Экселенц, а это мне навсегда или поносить?

– Болван, неужто ты думаешь, что я после вшивого тебя надевать буду? – Кавалер засмеялся. – Носи уже.

Волкову не жалко, это не лучшая его шуба. Зато все видят, что тем, кто претерпел за него, по заслугам воздастся.

– Экселенц! – Сыч едва не прослезился, он уже напялил шубу и кланялся, кажется, руку надумал целовать, но Волков не дал.

– Ступай к поварам, а потом помойся, Фриц Ламме, вечером расскажешь, как там у горцев. – Он повернулся к парламентеру и крикнул: – Так что решил кантон по поводу денег за пленных?

– Сегодня соберется совет в Шаффхаузене, – отвечал капитан горцев, – там все и решится.

– Пусть поторопятся, Господь велит мне быть милостивым даже к еретикам, но кормить я их с завтрашнего утра перестану.

– Если ваш Бог велит вам быть милостивым, может, отдадите мне раненых, тех, что уже без сил? – крикнул в ответ капитан.

Волков ему ничего не ответил, он повернулся и пошел к себе в шатер, ему еще нужно было написать ответ епископу. А капитан постоял-постоял да вернулся к лодке, убрался вон с его земли.

* * *

Пока Волков писал, снова приходил фон Финк, снова говорил, что ему пора уходить, и просил вексель, в чем Волков вновь ему отказал. Говорил тот, что согласен и на пятьсот талеров, и как он об этом сказал, так кавалер обо всем догадался. Волков теперь понял, почему фон Финк хочет от него вексель. Он сейчас увел бы солдат во Фринланд, а потом полученные от кавалера по векселю деньги забрал бы себе, сказав солдатам, что кавалер, дескать, ничего не дал. «Да ты, братец, мошенник, из тех, что обворовывают своих солдат! Нет, так не пойдет».

– Ждите подсчета и раздела добычи, – сухо ответил кавалер.

Фон Финк ушел недовольный. Он оставил корпоралов, чтобы они приняли участие в дележе добычи, а сам в тот же час увел своих людей на север, в Эшбахт, а оттуда и на восток, в их родной Фринланд.

А Волков был тому и рад. Дописав письмо епископу, сидел некоторое время в раздумьях. Все не мог решиться никак, а потом все же взялся и написал письмо жене.

> *«Госпожа моя, с радостью сообщаю вам, что дом наш пока в безопасности, злой враг повержен и не сможет собраться для новой войны. Если на то ваша воля будет, так возвращайтесь, дом без вас пуст, и мне одному в нем будет невесело.*
> *Муж ваш, Господом данный, кавалер Иероним Фолькоф фон Эшбахт».*

Он посидел, подумал, не слишком ли он в письме добр и ласков. Не подумает ли Элеонора Августа, что он заискивает перед ней. Может, лучше просто повелеть ей ехать домой? А, ладно, пусть будет доброе письмо. И он тут же начал писать еще одно:

> *«Дорогая моя, рад, что вы мои интересы помните, и вижу, что усилия ваши увенчались успехом, что жена моя живет в доме епископа, а не в городском доме отца своего. Теперь прошу вас отвезти ее домой в Эшбахт, не давайте ей уехать в поместье к отцу, иначе мне ее потом будет непросто оттуда забрать, зная ее норов и нелюбовь ко мне, может она заупрямиться и у графа остаться.*
> *Да и вам пора домой, дом без вас – сирота без присмотра, и голоса вашего в нем не хватает. Как мне не хватает вас, дорогая Бригитт.*
> *Иероним Фолькоф фон Эшбахт».*

Он позвал к себе Увальня.

– Александр, раз дорога вам знакома, так скачите к епископу снова. Вот эти два письма отдадите ему и моей жене. А это, – он показал Увальню бумагу, – отдадите госпоже Ланге, но чтобы никто не видел. Вы поняли, Александр?

– Да, кавалер, повезу их в разных местах, чтобы не перепутать.

Волков кивнул, а когда Гроссшвулле ушел, он вдруг понял, что день давно перевалил за полдень и что ему уже и обедать пора. И настроение у него было на удивление хорошее, может,

из-за того что второй уже день не болело почти ничего, разве что нога – и то самую малость донимала, когда он на пригорок забирался.

* * *

А добыча делиться уже начала сама собой. Еще когда кавалер обедал, пришли Брюнхвальд и Стефано Джентиле.

– Хотите ли пообедать? – предложил им Волков.

– Нет, кавалер, спасибо, – за обоих ответил Брюнхвальд, – мы только что отобедали. Мы подождем, пока вы закончите.

– Нет, вы мне не мешаете, господа, – сказал Волков и положил себе еще кусок солонины, разогретой в пряном бульоне, налил еще вина. – Говорите, зачем пришли.

– Господин Джентиле хочет выкупить все арбалеты, что мы захватили у врага, – произнес Брюнхвальд.

– Вот как? – удивился Волков. – Сеньор Джентиле, а мне помнится, что вы говорили, что у вас совсем нет денег, когда нанимались ко мне. Говорили, что едва находите денег на прокорм вашим людям. А тут вдруг хотите купить… – Кавалер обратился к Брюнхвальду: – Карл, сколько там арбалетов нам удалось захватить?

– По списку семьдесят два, кавалер, – отвечал ротмистр.

– И вы найдете деньги на эти арбалеты, сеньор Джентиле?

– У меня есть друзья в Малене, – скромно отвечал ротмистр ламбрийских арбалетчиков. – Думаю, что они рады будут мне помочь.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Волков. – Нисколько в этом не сомневаюсь.

– Я давно подумывал увеличить отряд, – продолжал Джентиле, – и, если мне удастся купить эти арбалеты, я смогу найти еще людей. И в будущем еще послужу вам, кавалер.

– Конечно, конечно, – кивал Волков, соглашаясь с ним. – А не скажете, по какой цене вы готовы купить эти арбалеты?

– Если вы будете не против, кавалер, то я хотел бы купить их по три талера за штуку.

«Ах, мошенник, я так и знал…»

– По три талера? – переспросил Волков.

– Если вам так будет угодно, – отвечал ламбриец.

– Помилуйте, друг мой, в мою молодость и то таких цен на арбалеты не было, а горцы славны своим доспехом и оружием. Или вы думаете, что их арбалеты плохи?

– Нет, я так не думаю, – отвечал Джентиле, чуть помявшись, – но вряд ли я найду деньги, если буду покупать арбалеты за полную стоимость.

«Конечно, не найдешь, твои приятели-торговцы и менялы не дадут денег, если цена не будет сладкой».

– Арбалеты у горцев всегда были хороши, немногим хуже, чем у вас, у ламбрийцев, – начал Волков, – а вы просите за свои арбалеты восемь, а то и девять талеров. Почему же хотите эти купить за три?

Стефано Джентиле развел руками.

– Может, оттого что они уже были в пользовании.

– Даже бабу, если она хороша, вы возьмете себе, пусть она и была до вас в пользовании, а уж про оружие и говорить не нужно. Там же нет ломаных арбалетов?

Ламбриец молчал.

– В общем, если вы готовы купить, то берите их по пять талеров.

Ротмистр арбалетчиков, поглядывая на Волкова, думал, а потом сказал:

– Поеду в Мален, если предложу моим друзьям по четыре пятьдесят, думаю, они согласятся.

– Езжайте. Предложите по четыре пятьдесят, – согласился кавалер.

Ротмистры поклонились и вышли из его шатра.

* * *

Вечером долго-долго в его шатре сидел вымытый Сыч и его приятель, что был с ним в тюрьме. Сыч все говорил и говорил про тюремную жизнь. Говорил он весело и так интересно, что и Максимилиан, и юный Гренер, и даже серьезный фон Клаузевиц его слушали и смеялись.

Монах брат Ипполит пришел, смеялся со всеми так, что позабыл про пост, стал пить вино. И другие молодые господа стали проситься в шатер, и Волков всех пускал, не гнать же. И вскоре в шатре места не было, где присесть, и так тепло стало, что кавалеру пришлось раздеться до рубахи. И он все требовал и требовал вина, пока оно не кончилось. Всё выпили молодцы, а Сыч, не снимая шубы в жаре, не унимался, рассказывал и рассказывал разные случаи из своей жизни. И Волков видел его пьяное веселье и был рад, что оживал он, что был уже не таким, каким его привезли утром. Вот только худоба да отсутствующие зубы показывали, что Фриц Ламме недавно был в тюрьме.

Глава 5

На рассвете пленным раздали хлеб и просо, дали котлы, разрешили варить еду. Кавалер не успел отдать приказ, чтобы их больше не кормили, как с того берега приплыл посыльный и сказал, что совет кантона Брегген просит и дальше кормить пленных, так как решение принято и сейчас советники только думают, брать деньги из казны или объявить сбор с гильдий, селений и коммун.

Волков тряс пальцем у приехавшего горца перед носом и отчитывал его, хотя понимал, что это всего-навсего посыльный:

– Думаете, я вашей хитрости не вижу, умными себя полагаете? Думаете, дурачить меня будете без времени? Не надейтесь, сегодня последний день, что я кормлю ваших людишек из своего кармана, завтра все это велю прекратить. Так и передайте этим пышным господам из вашего совета.

– Я… я передам… все передам, – мямлил посыльный.

– Ишь ты, – глядя вслед уплывающей лодке, говорил Волков, – думают, что я буду ждать, пока они объявят сбор да начнут собирать деньги.

– Думаете, привезут деньги завтра? – спросил у него фон Клаузевиц.

– Надеюсь, что так, – ответил Волков. – Господин Рене.

– Я здесь, кавалер! – откликнулся ротмистр.

– Вы, кажется, говорили, что солдаты ваши жаждали резать горцев.

– И сейчас будут не против, – заверил его Рене.

– Скажите им, что каждый, кто был в бою у холмов, получит долю от выкупа пленных. Может, это остудит их кровожадность.

– Думаю, что это их порадует, – согласился Рене.

* * *

Нужно было посчитать, сколько всего остального они захватили, и для этого Рене, Роха и Брюнхвальд пришли в шатер к Волкову. Только расселись с бумагами, как вернулся Максимилиан и сообщил, что приехал Бертье. Уже по виду молодого знаменосца кавалер понял, что дело странное. Максимилиан был если и не напуган, то уж точно удивлен или обескуражен.

– Кавалер, – говорил он заметно тише обычного, словно не хотел, чтобы слышал его какой-нибудь посторонний, – Бертье приехал, встал чуть севернее лагеря.

Волков, еще не понимая этого странного поведения молодого человека, сказал:

– И зачем же он там встал? Пусть сюда едет.

– Он просит вас быть к нему, – все так же загадочно отвечал Максимилиан. – Дело важное.

Все, все, кто был в шатре, смотрели на него с непониманием. А Роха, который был небольшим любителем бумаг и всякой писанины, предложил:

– Господа, вы тут занимайтесь делами, а я пойду к Бертье, узнаю, чего ему нужно и почему он не идет в лагерь.

– Нет-нет! – сразу запротестовал Максимилиан. – Бертье просил кавалера.

Волков бросил на стол перо, которое крутил до сих пор в пальцах, и прикрикнул на молодого человека:

– Да скажите же вы, в чем дело, если вам это известно!

– Известно, – кивнул Максимилиан.

– Ну? И в чем же?

– Ротмистр нашел кавалера Рёдля, – ответил Максимилиан.

– Нашел? – Волков пристально смотрел на него. – Рёдль мертв?

Максимилиан только кивнул в ответ.

«Дьявол, этого мне как раз сейчас и не хватало».

Кавалер сидел несколько секунд молча. Еще бы. Весь блеск его победы тускнел от этой глупой смерти Рёдля.

– Но как же так, кто ж его убил? – удивлялся Брюнхвальд, видя, что Волков находится в замешательстве. – Гренер говорил, что сам видел, как Рёдль живой и здоровый уезжал с бароном с поля боя.

Все смотрели на Максимилиана, а тот не знал, что сказать, и только разводил руками и непонимающе качал головой. И, видя это его странное состояние, кавалер спросил довольно грубо:

– Что вы машете головой, как баран, почему не говорите, вы видели тело?

Молодой человек кивнул вместо того, чтобы ответить. Это взбесило Волкова: «Что это за ярмарочный балаган, один болван не едет в лагерь почему-то, другой не может ничего сказать толком!» Он вскочил и закричал:

– Я вас просил, Максимилиан, найти мне лакея, слугу, денщика… Хоть кого-нибудь! Вы мне нашли человека?

– Еще нет, кавалер, нет подходящих…

– Так дайте мне шубу сами. Где остановился Бертье? Далеко? Конь понадобится?

– Нет-нет. – Максимилиан поспешно вытаскивал шубу из сундука. – Тут рядом.

Господа офицеры тоже вставали, собирались идти с ним, но Волков махнул рукой:

– Занимайтесь делом, господа, я сам схожу.

Бертье со своими людьми и вправду был недалеко от лагеря, в ста шагах. Они расположились в кустах, в зарослях барбариса, листья которого до сих пор не облетели и хорошо скрывали их от случайных взглядов. Тут и были солдаты Бертье, стояли мрачные, держали коней под уздцы, только кланялись командиру. И ротмистр с на редкость серьезным лицом молча поклонился Волкову, а тот протянул ему руку со словами:

– Ну, где он?

Бертье провел его за ближайший куст и показал мерина, через спину которого было перекинуто тело в хорошем доспехе. Тут-то Волков и понял, откуда берутся и мрачная молчаливость Бертье, и растерянность Максимилиана. Выше привязанных к подпруге коня рук мертвеца ничего не было. Кавалер подошел ближе, чтобы рассмотреть как следует. Проще говоря, труп оказался обезглавлен. Ладный и крепкий доспех рыцаря находился в полном порядке, черный от старой крови горжет был на месте, а вот головы и шлема не видать. И снова кавалер удивился, когда заглянул за кромку горжета. От такого удивления он еще больше мрачнел. И немудрено, ведь голова рыцаря не была отрублена или отрезана. Ткани мяса и кожи тянулись так, словно голову Рёдлю оторвали или, вернее, открутили.

Волков покосился на Бертье, что стоял рядом, ища у него пояснений, но весельчак и храбрец Бертье вовсе не был славен своими умозаключениями. Он насупился и молчал, отводил глаза, стараясь не поймать взгляд кавалера.

– Где вы его нашли? – наконец спросил Волков.

– В десяти милях от поля боя, – ответил ротмистр. – Собаки след не брали, дожди со снегом, какой тут след. Ну, я подумал, что барон с Рёдлем направятся домой, и поехал на северо-запад.

– В десяти милях? – Волков прикинул что-то в уме. – Это рядом с лачугой монаха?

– На две мили западнее, ближе к границе владений барона.

Волков опять задумался, чуть постоял молча и стал принюхиваться. Нет, он не почувствовал запаха разложения.

– Когда вы его нашли?

– Вчера к вечеру ближе, но думаю, он там давно лежит, – пояснил ротмистр. – А не пахнет из-за холода: здесь, у реки, теплее, а за холмами вода ночью замерзает.

Как все нехорошо выходило, как нехорошо. Два благородных человека уехали с поля боя живыми, и на его земле…

– Кстати, а что с бароном?

– Ах да. – Бертье отошел и стал рыться в мешке, что был приторочен к седлу его коня, наконец, он достал оттуда вещь. – Вот, думаю, что это барона.

Это был великолепный наголенник с коленом от отличного доспеха. Волков знал, что эта часть не принадлежит доспеху Рёдля, но все же обошел мерина, чтобы поглядеть на ноги трупа. Конечно нет, на ногах рыцаря имелись свои наголенники. Тот, что он держал в руках, был лучше качеством.

– Вы нашли это там же, где было и тело? – спросил Волков у ротмистра.

– Да, там же, не очень далеко. Много воды, все запахи смыты, это всё, что удалось найти, – отвечал тот.

Волков стоял и думал, что делать со всем этим. Всё выходило очень нехорошо. Попробуй теперь объясни всей местной знати, как погибли два благородных человека на его земле. Причем два человека, которые пришли к нему на помощь в трудную минуту.

– Может, его похоронить? – предложил Бертье.

Волков покачал головой: нет.

– Людям велим молчать, и никто не узнает, – продолжал Бертье.

– Нет, – сухо отвечал кавалер, он взглянул на ротмистра. – А вы молодец, Бертье, вы поступили правильно, что не поехали в лагерь с мертвецом. Но я не буду скрывать смерть Рёдля и барона, я отвезу труп в замок. Сам отвезу и все расскажу, как было, чтобы потом меня никто ни в чем не мог упрекнуть. Но вам, мой дорогой Бертье, придется опять ехать туда и продолжить поиски.

– Поискать барона? Или…

Бертье не договорил, он не произнес того слова, которое Волков, по его мнению, слышать не хотел.

– Поискать то… Все, что найдете, – ответил кавалер, но он не боялся слов. – Голову Рёдля, самого барона, его доспехи или следы оборотня, в конце концов.

Бертье кивнул. Он не говорил об этом кавалеру, но не сомневался, что труп – дело рук, или лап, оборотня. Судя по серьезным и хмурым лицам солдат, они были того же мнения.

– Как только я закончу дело с горцами, прочешу все вокруг лачуги монаха, а вы, Гаэтан, пока возьмите еще людей на всякий случай и начинайте искать.

Бертье снова кивнул, он понимал, что дело важное и серьезное, и больше ничего кавалеру не советовал.

* * *

Когда Волков с Максимилианом вернулись в шатер, офицеры уже закончили подсчеты и готовы были показать итог, но он отмахнулся и, видя их озадаченные лица, сказал:

– Господа, я должен буду уехать. Карл, вам придется заняться делами за меня. Все переговоры с горцами о пленных будете вести вы.

Офицеры замерли в удивлении, явно ожидая от него пояснений.

– Господа, – сказал Волков, садясь на свое место, – Бертье нашел Рёдля.

– Мертвого? – сразу спросил Роха.

– И без головы, – ответил кавалер и, уже зная, что последуют и другие вопросы, продолжил: – Голову ему отрывали, от барона ничего, кроме наголенника, не нашли. В общем, я хочу сам отвезти труп в замок. Возьму только Гренера с собой.

Если вопросы у господ офицеров и были, то они не торопились их озвучивать.

Только Карл Брюнхвальд спросил:

– Кавалер, дозволите ли вы мне высказать мое мнение?

– Разумеется, Карл, говорите.

– Когда вы просили меня стать у холма и сдержать удар колонны горцев, я хоть и без радости, но выполнил вашу просьбу. Без радости, потому что сомневался, что смогу удержать людей в строю столь долго, сколько вам нужно. Когда вы просили меня догонять врага и бить его, я согласился с радостью, так как был уверен, что исполню просьбу безукоризненно. Теперь же вы просите меня взяться за дело переговоров. Взяться за дело, в котором, по разумению моему, я не достиг и звания сержанта. И в котором вы, несомненно, достигли звания генерала. Думаю, что мне надобно отказаться от столь высокого доверия.

– О чем вы, Карл? – раздражался Волков.

– А он прав, Фолькоф, – встал на строну Брюнхвальда Роха. – В деле чесания языком ты любому из нас нос утрешь. Лучше тебе не уезжать, а то эти черти из-за реки пронюхают, что ты уехал, начнут юлить да от выплат отлынивать.

Волков понял, что в словах ротмистров есть здравый смысл, конечно, ему лучше не уезжать сейчас отсюда. Но тогда…

– Я сам отвезу тело Рёдля в замок Баль, – предложил Брюнхвальд. – Передам его со всеми почестями. Это мне не трудно.

– Хорошо, – согласился Волков. – Вы правы, мне нужно выжать деньги из горцев, это сейчас главное.

Карл Брюнхвальд встал.

– Тут все наши расчеты по добыче, тут доспех, тут лодки и баржи, тут захваченный провиант.

– Хорошо, я посмотрю, – сказал Волков, – а вы, Карл, берите с собой Гренера, людей и телегу и езжайте в замок немедленно.

Офицеры кланялись ему, выходя из шатра. А он, оставшись один, сидел невесел. Очень ему портили вкус победы этот проклятый барон и его безголовый рыцарь.

Глава 6

На следующее утро все решилось. Едва кавалер позавтракал, как прибежал солдат и сказал, что на той стороне реки знатные люди садятся в лодку и просят дозволения приплыть на их берег.

Волков быстро оделся, накинул шубу и, позвав Рене, Джентиле, который уже вернулся из Малена с деньгами на арбалеты, фон Клаузевица и Максимилиана, пошел на берег. Господа уже были там, возглавлял делегацию все тот же глава гильдии лесоторговцев и член консулата кантона Брегген – Вехнер.

Кресло кавалеру не принесли, не успели, поэтому он опять забрался на холмик и ждал горцев.

Они подошли и поклонились, но не так низко, как им должно было. Опять горская спесь в них взыграла. Один из прибывших что-то бубнил, называл имена других господ, но это Волкова сейчас не интересовало, кавалер смотрел на рослого солдата, что приплыл с ними, который держал в руке немалый и тяжелый мешок. «Значит, привезли денежки». Тот говорливый человек все еще «выражал волю совета кантона Брегген», но кавалер, стоя на своем холме, на него внимания не обращал.

– Вы привезли деньги? – крикнул он.

Болтун осекся на полуслове, замолчал, и только теперь заговорил сам Вехнер. Он сделал шаг вперед, едва заметно кивнул Волкову и сказал:

– Совет кантона Брегген решил пойти на ваши условия и выплатить выкуп за плененных вами наших людей в размерах, вами требуемых. Но не высокомерием вашим мы покорены, а лишь ради заботы о наших людях идем мы на такое унижение.

– Да-да, знаю, знаю, – крикнул ему кавалер со своего холма. – Давайте уже деньги. Несите сюда мое серебро.

Вехнер сделал знак солдату, что держал мешок, и тот прошел вперед, отдал свою ношу одному из сержантов Рене.

– Ротмистр, – специально громко велел Волков, – пересчитайте деньги, я этим людям не доверяю.

– Конечно, – отвечал Рене. – Сейчас же.

Услыхав это, Вехнер состроил высокомерную мину. Глядя, как серебро из мешка высыпается на дерюгу для пересчета, он снова начал:

– Совет кантона Брегген постановил выплатить вам деньги за граждан кантона Брегген, но не платить за всех остальных.

Волков, уже косившийся на кучу серебра, перевел удивленный взгляд на члена совета:

– Что это значит, Вехнер?

– Сие значит, что народ кантона Брегген не будет платить за райслауферов, – с каким-то глупым высокомерием отвечал глава гильдии лесоторговцев и член консулата кантона Брегген. – Возьмите выкуп с их семей.

– Не будет? – удивленно переспросил кавалер.

– Нет, не будет, – чуть ли не радостно подтвердил Вехнер. – Совет и эти деньги выдал из-за спешки, выдал без одобрения ландтага кантона, на свой страх и риск.

– Ах вот как! – пробурчал Волков.

И все, кто знал его, сразу по его тону поняли, что добром это не кончится. И Максимилиан, и ротмистр Рене смотрели на кавалера с опаской: этот его тон они знали.

«Значит, кантон не хочет выкупать своих наемников? Ну, что ж, тем хуже для наемников и для кантона». То ли мелочность и жадность этих богатеев из кантона, то ли тон Вехнера, то ли то, что ему не достались все деньги, а может, и все это вместе кавалера разозлило.

– Рене! – негромко позвал он.

– Я тут, кавалер, – откликнулся ротмистр.

– Ваши солдаты еще хотят отомстить горцам за их жестокости?

– Уверен, что желающие найдутся, – сразу ответил Рене.

– Что ж, господин Вехнер и кантон Брегген вашим солдатам дают право насладиться местью, – с ледяной улыбкой произнес кавалер. – Максимилиан.

– Да, кавалер.

– Сыча мне сюда.

– Я здесь, экселенц! – тут же отозвался Фриц Ламме. Он был недалеко и немедленно приблизился к Волкову. – Что надобно, экселенц? Порезать солдатишек, за которых эти горные господа не заплатили?

Волков все еще не мог привыкнуть, что его Фриц Ламме вдруг стал чуть шепелявить из-за выбитых зубов и что на крепком некогда теле шуба висит мешком. Кавалер положил руку Сычу на плечо.

– Нет, не так, Фриц. – Он говорил так, чтобы приплывшие с того берега господа слышали. – Я хочу, чтобы вся река знала о том, как благороден и великодушен кантон Брегген.

– Ну так кинем их в воду, экселенц, – тут же предложил Сыч.

– Они потонут.

– Привяжем к ним чурки, с чурками они далеко уплывут, – размышлял вслух Фриц Ламме, – да, до самого Хоккенхайма доплывут.

– Вот и отлично, – согласился кавалер. – Возьми у ротмистра Рене охотников в помощь и делай.

– Сделаю, экселенц, уж сделаю, я этим собакам горным все припомню.

– Шубу не попорть, – напомнил ему Волков.

– Ни в коем случае, экселенц, ни в коем случае, – пообещал Фриц Ламме.

Пока офицеры Волкова считали деньги, а приехавшие господа сверяли список, что у них был, на наличие оставшихся в живых, чтобы не переплатить за умерших, с райслауферами начали расправляться прямо тут же, на берегу. Наемники из других кантонов, что пошли воевать за Брегген, уже всё поняли. В живых к этому часу их осталось не больше тридцати, остальные померли, к своему счастью. Добровольцы из людей Рене бодро нарезали веревки и брали из собранных дров поленья побольше.

– Эй, Брегген, что ж, за нас трех сотен талеров не нашли?! – со злобой кричал один из пленных.

Господа из Бреггена делали вид, будто не слышат. Они ходили со списками среди своих пленных, выспрашивая их по именам, чтобы никто чужой не затесался. Переплачивать нельзя!

– Сволочи, будьте вы прокляты! – орал другой.

– Заплатили бы за нас, мы бы вам потом вернули! – кричал третий.

А тем временем первого, самого горластого из наемников, уже схватили солдаты, заломив ему руки за спину, вязали к ним небольшой чурбан. Вязали крепко, со злобой, так что кости у несчастного ломались от веревок. Чтобы те горцы, что живы остались, другим рассказали, что за их злобу, за злую войну, за убийство пленных, за пытки, за изуверское добивание раненых и им может воздаться.

Первого связанного с чурбаном за спиной затолкали в воду по пояс, и для пущей надежности, а может, просто от злобы один из солдат ударил его шипом алебарды в почку, так что шип вышел из живота.

– Плыви, паскуда горная! – крикнул солдат, и наемник повалился в серую ледяную воду реки.

Без стона и крика плюхнулся и поплыл, отставляя после себя тонкий бурый след. А солдаты уже крутили руки другому, и следующему, и следующему. Так дело и шло. Пока гос-

пода из кантона всех своих людей пересчитали; пока требовали часть денег назад, потому как несколько человек померло, а за мертвых они ничего платить не собирались; пока первых пленных стали на лодки грузить, Сыч и солдаты из роты ротмистра Рене уже два десятка наемников по реке вниз пустили. И не просто они их спускали, руки к дровинам привязав, обязательно их перед этим либо прокалывали копьем или алебардой, либо и вовсе животы вспарывали. Так и плыли выкупленные жители кантона Брегген в лодках к себе домой, а райслауферы с привязанными к рукам палками – вниз по реке. А господа, прибывшие за своими людьми, делали вид, что они ничего этого не видят.

Волков не уходил с берега. Ветер разогнал облака, и за многие дни впервые появилось на небе солнце. Это был хороший день. Кавалер смотрел, как отплывают пленные, как уплывают в ледяной воде наемники, как деловито суетятся приплывшие с того берега чиновники и его офицеры, считая людей и деньги. Да, это был хороший день. И черт с ними, с тремя сотнями талеров, что он не выручил за райслауферов. Ничего, он обойдется. А вот если кантон Брегген захочет в следующий найти людей повоевать за свои интересы, так после сегодняшнего дня это будет непросто, а те, кто и согласится, запросят денег вдвое больше обычного. Особенно если кантон будет звать их воевать против господина Эшбахта. Так что день и вправду выдался неплохим, да еще солнце пригревало, ни ветра тебе, ни дождя со снегом.

Вскоре дело было закончено. Пленные уплыли к себе на свой берег, наемники пущены по реке все до единого. Еще в реку пришлось бросить всех умерших от ран и холода горцев. Вехнер просил отдать их, чтобы захоронить по обряду, но платить за них отказался, даже по талеру за мертвеца. Говорил, что не уполномочен выкупать мертвых, и поэтому Волков их не отдал, а приказал скинуть мертвецов, пусть плывут вслед за наемниками.

Горцы уплыли злые, да и черт с ними, уж от кого он не ждал ни добра, ни милости, так это от них – и впредь ждать не будет. Кавалер знал, что они злопамятны, и ему этого дня они не простят. Знал, что война совсем не кончена и что к лету надо готовиться к новой кампании.

Но пока день был хорош, перед ним лежал большой мешок, в котором мягко звенело серебро. И солдаты, и офицеры его были довольны. И это сейчас главное. Волков позвал к себе Рене, Джентиле и Роху и сказал им:

– Передайте людям своим и людям фон Финка, что все, что взято нами в этой войне, и это серебро тоже, будет поделено по солдатскому закону, а я от своей доли отказываюсь, делите и мою долю меж себя честно.

– Слава Эшбахту! – закричал сержант из людей Рене, что слышал эти слова.

Солдаты, что были рядом, собирались ближе, спрашивали и переспрашивали, о чем говорят офицеры, и, когда узнавали, тоже кричали и славили его.

– Эшбахт! Эшбахт! – неслось над рекой.

Горцы, что плыли в последней лодке, оборачивалась испуганно, а те, что сидели устало, ожидая родных или помощи, смотрели угрюмо на ненавистный им берег, когда слышали ненавидимое имя.

А Волков поклонился всем и пошел в свой шатер, узнав, что приехал господин Увалень и ждет его.

* * *

Письма были очень хорошие. В одном епископ сообщал, что написал архиепископу и всем своим соседям, в том числе и доброму епископу Вильбурга (тут Волков даже посмеялся, представив, как затрясутся подбородки того епископа), о славном деле у холмов и о том, как хорош Иероним Фолькоф, коего кличут Инквизитором, а деяния его так успешны, что он не иначе как истинная Длань Господня, что по делам карает еретиков горных, что чтят людоеда Кальвина и не чтят папу, наместника божьего.

Дальше добрый старый епископ сообщал, что также напишет и самому курфюрсту Карлу, чтобы искать мир между ним и его славным вассалом. Да, а вот это Волкову никак не помешало бы, хорошо, если бы епископ заступился перед герцогом за него. И не только он, а еще и другие попы. Враждовать с сеньором, воюя с горцами, ой как непросто.

Дальше епископ писал, чтобы Волков непременно на Рождество был при всей своей «красоте» – то есть при выезде, при знаменах и при лучших своих людях – в Малене, что сам старый епископ встретит его у ворот города и проводит с крестными знамениями до кафедрала, где станет служить мессу в честь него. Это тоже ему было в большое благо. Пусть горожане видят в нем большого воина и победителя. Все и всегда хотят дружить с победителями. Пусть так и будет. Хорошо, что на его стороне такой умный епископ.

Дальше Волков развернул другое письмо, и оно тоже оказалось хорошим. Писала ему огнегривая его красавица и верная помощница Бригитт. Писала, что ей несладок дворец епископа, потому как в нем нет господина сердца ее, что считает она дни, когда сможет видеть его и целовать руки его. Волков читал и, сам того не желая, вспомнил ее тяжелые и красные, как медь, волосы. И захотелось ему прикоснуться к белой щеке в веснушках, к ее небольшой, но такой твердой и красивой груди, к ее крепким и горячим ягодицам. Ах, как хорошо бы сейчас было. Он вздохнул и решил, что сидеть у реки больше смысла нет, нужно снимать лагерь. И настроение от этой мысли у него улучшилось. Да, надо собираться домой, хотя бы потому, что солдаты дома станут есть свою еду, а не его. И, конечно, он увидит свою Бригитт. Рыжую и красивую, стройную и умную Бригитт. Да, все было прекрасно, кроме одного, и это одно, может, даже перевешивало хорошее. Он стеснялся спросить об этом у Александра Гроссшвулле, боялся, что это покажется проявлением дурной слабости, но не выдержал.

– А от госпожи Эшбахт письма не было?

– Нет, кавалер, не было, – отвечал Увалень, вставая с сундука, на котором сидел.

«Зачем спрашивал, дурак, будь там письмо, так Увалень уже отдал бы его тебе». И Волков опять от обиды, от досады задал глупый вопрос:

– А мое письмо вы госпоже Эшбахт передали?

«Да как же он мог не передать?»

– Конечно, кавалер, в руки, при епископе то было, за столом они сидели.

– И что она сказала?

– «Благодарю вас».

– «Благодарю вас»? И все?

– И все.

– И не читала? – Волков начинал раздражаться. Куда только девалось благодушие и приятное расположение духа от двух писем.

– При мне нет, – начал вспоминать Увалень. – Спрятала в рукав.

«Мерзавка, всем поведением своим норовит уколоть, всяким движением показывает высокомерие свое графское. Семейная спесь так из нее и лезет наружу. Ты хоть в лепешку расшибись, хоть сарацинского султана победи, все равно она губу будет кривить в небрежении, ведь она из рода графского, а ты выскочка из бюргеров, из городских простолюдинов. Или, может, она так холодна из-за Шауберга? Но так то уже в прошлом, чего о нем думать. Или она до сих пор по нему сохнет?» Эх, жаль, что нет другого «Шауберга», чтобы ей насолить, он бы и его повесил на заборе.

Волков встал.

– Вы свободны, Александр.

Кавалер накинул шубу и решил пройтись перед обедом по лагерю, подойти к реке. Настроение у него было дурным, но его скрашивало то, что нога при ходьбе почти не болела. «Как хорошо это и удивительно, когда у тебя ничего не болит», – в который уже раз думал он.

Волков остановился у реки, поглядел, как по ледяной воде тянутся один за другим четыре плота по течению на запад. А плоты те все из хорошего леса, на плотах по щиколотку в ледяной зимней воде стоят сплавщики, и ничего, не холодно им, все краснощеки так, что с его берега видно. Он проводил плоты взглядом: война войной, а плоты плывут. Ничего, пусть пока плывут, раз деньги платят. Пусть плывут и догоняют мертвяков, что сегодня он покидал в эту реку.

Плоты исчезли из вида, а кавалер уставился на неказистую заставу, что построил сержант Жанзуан на возвышенности за заброшенной деревней. Тут к нему подошел Рене, что-то хотел сказать про дележ добычи, но кавалер его опередил:

– Как вам эта застава, ротмистр?

– Шалаш, – ответил Рене.

– Шалаш? – Волков засмеялся и вдруг стал строг. – Именно шалаш. А шалаши мне тут не нужны. Из того серебра, что привезли сегодня горцы, возьмите денег, сколько потребуется, и купите леса, покупайте те плоты, что тут проплывают. Поставьте на месте шалаша форт, и чтобы в три человеческих роста, чтобы был вал и ров хороший, башни по углам для арбалетчиков и мост. Ров копайте до тех пор, пока вода не появится – река близко, долго копать не придется. Форт пусть будет на тридцать человек – двадцать солдат и десять арбалетчиков. Завтра я сниму лагерь и пойду в Эшбахт, а вы, родственник, останьтесь здесь со своими людьми и вернетесь, как закончите.

Рене стоял чуть растерянный, он уже и забыл, что хотел сказать кавалеру. Видя это, Волков едва заметно усмехнулся.

– За старшего в форте оставите сержанта Жанзуана. Он тут уже прижился.

– Как пожелаете, – только и ответил Рене.

Кавалер повернулся и направился к себе в шатер, время было уже обедать.

Глава 7

Утром стали снимать лагерь, собираться в Эшбахт. Пока запрягали первые телеги и собирали палатки, вернулись Брюнхвальд и Гренер, которые отвезли безголовое тело кавалера Рёдля в замок барона фон Деница. Волков сидел на раскладном стуле рядом с бочкой, на которой лежали списки трофеев и стояла кружка с пивом. Списки он давно изучил и теперь смотрел, как четверо солдат под руководством Максимилиана снимали его драгоценный шатер.

Как только кавалер взглянул на приближающихся офицеров, так сразу понял, что у них для него что-то есть. Да, они знают что-то такое, чем хотят немедленно поделиться с ним. Карл Брюнхвальд, да и Гренер тоже – оба ему нравились как офицеры и как люди, но их обоих Волков считал простаками. У них что на уме, то и на языке, то и на лице. И сейчас они шли к нему с лицами весьма озабоченными. «Ну, что еще мне опять ждать плохого?»

Офицеры поклонились, и после обычного приветствия Карл Брюнхвальд сразу начал:

– Рад сообщить вам, кавалер, что барон Адольф Фридрих Баль фон Дениц жив.

Волков смотрел на него из-под бровей взглядом нехорошим: «Шутит ротмистр? Да нет, он и шутить-то не умеет, сколько его знаю, от него шуток не слыхал, да и старый кавалерист Гренер взволнован и серьезен».

– И что же, вы его сами видели, господа?

– Нет, – отвечал Брюнхвальд, – нас до него не пустили.

– Привратник был больно строг, – вставил Гренер.

– Что? Как так, почему? – Кавалер все больше удивлялся.

– Это не привратник, больно важен он был для привратника, – рассуждал Карл Брюнхвальд. – Видно, родственник барона какой-то.

– Может, и так, – согласился Гренер.

– И что же вам сказал этот родственник-привратник?

– Сказал, что барон будет благодарен за то, что привезли тело Рёдля, так как барон имел сильную привязанность к этому рыцарю.

Это Волков и сам замечал, он видел, что отношения барона и кавалера вовсе не походили на отношения сеньора и вассала. Не знай Волков о любовных похождениях барона, так подумал бы, что у этих двух достойных господ противоестественная связь. Уж больно они были близки, словно братья. Как-то, когда барон со своими людьми приехал только к нему в лагерь, еще на пиру до сражения, кавалер заметил, что барон, допив вино из своего бокала, стал отнимать бокал у Рёдля, а тот свой бокал не отдавал, пока вино не расплескалось, и тогда Рёдль просто выплеснул остатки вина в лицо барону. И тот всего-навсего засмеялся и, вытерев лицо, назвал кавалера свиньей, а тот в ответ обозвал барона дураком, на этом все и закончилось. Такое поведение было присуще мальчишкам, но никак не взрослым господам, коих считали лучшими турнирными мастерами и гордостью графства. Да, не знай Волков, что барон был любителем женщин, он так и подумал бы, что у барона и кавалера Рёдля своеобразные отношения. Но еще с первой встречи на балу в дворце Маленов кавалер заметил, что у его жены Элеоноры Августы и у барона отношения намного свободнее, чем предполагает этикет. Они вели себя так, как ведут себя бывшие любовники. Он с ней шутил, а она смеялась его шуткам и держалась к нему весьма благосклонно. Может, поэтому Волков не очень жаловал барона. Кроме того, тот еще был злым на язык.

Сейчас же он сидел и ковырял ногтем ржавый обруч бочки и, вспомнив все, что мог, про барона, наконец, спросил:

– Так вы не видели барона, господа?

– Нет, – ответил Брюнхвальд. – Тот господин сказал, что барон тяжко болен после ранения и Господь еще не определился с будущим барона.

– Он так и сказал: «Господь еще не определился с будущим барона»?

– Именно так и сказал, – кивали головами господа офицеры.

Так обычно говорили врачи, когда жизнь пациента висела на волоске и еще нельзя было понять, выживет больной или нет.

– Ну хорошо, господа, – наконец произнес Волков, – спасибо, что избавили меня от скорбной обязанности.

– Рады были послужить, кавалер, – отвечал за двоих Карл Брюнхвальд.

Лагерь снимался. Волков не стал по военному обычаю собирать весь обоз в единое целое, авось уже не война. Он велел тем телегам, что уже готовы, ехать в Эшбахт и не ждать других. Так будет меньше толчеи в кустах, глине и на подъемах у холмов.

Он увидал среди других молодых людей, что уже седлали своих коней, Увальня и подошел к нему.

– Александр, дорога для вас знакома, прошу вас, скачите в Мален, к епископу, к жене, передайте ей, что дело сделано, война закончена, я возвращаюсь домой и прошу ее возвращаться.

По лицу Увальня кавалер понял, что тому уже не очень-то хочется снова провести день в седле, а потом еще полдня на обратном пути, но это кавалера заботило мало, он усмехнулся и пошел искать своего коня, которого Максимилиан уже оседлал.

* * *

А в Эшбахте началась пьянка. Офицеры раздали серебро, что получено было за пленных. Кое-что забрал Рене на постройку заставы. Много забрали офицеры, еще часть взяли сержанты. Но даже так выходило, что каждому простому причитается по талеру. Это не считая оружия, доспехов, лодок, телег и провианта, что еще не были проданы. Так что солдаты, особенно те, что не успели жениться, шли в кабак. А куда же еще идти солдату? В кабаке его всегда встретит добрый кабатчик да покладистые бабы, все будут ему рады за самую мелкую серебряную монету. И ничего, что у тех баб не все зубы на месте или морды биты. Солдаты – люди неприхотливые, им и такие нравятся. А тем, кто с претензией, кому подавай дам мытых и приятного вида, так свое тоже получали. Сразу, как только слухи дошли, что войско с победой идет домой, так из города Малена, из Лейденица и даже из Эвельрата приехали в повозках вездесущих торговцев дамы самые разнообразные, на все вкусы и все кошельки. Находились среди них и такие, что просили за благосклонность и полталера, и были они так пригожи и опрятны, что ими и офицеры не побрезговали бы.

В общем, в кабаке было не протолкнуться, даже порой и не войти. Люди пили прямо на дороге перед кабаком, тут же ели, а за воняющими мочой углами кабака, на радость местной детворе, ушлые дамы одаривали ласками пьяных солдат.

Дело было веселое, и к вечеру Волков послал Максимилиана к Брюнхвальду, чтобы тот выставил на ночь своих сержантов, что были трезвы, дабы не случилось чего нехорошего. Как иначе: пьяные солдаты злы бывают, когда у них кончаются деньги, а выпивку или женщин еще хочется. А талер кончается быстро. Два дня – и нет монеты, теперь она у кабатчика да у ловких баб.

* * *

К вечеру во двор въехала карета. Было в доме тихо. Дворовых Волков почти и не видел, как приехал, только Мария суетилась у плиты да по дому. Она и сапоги ему снять помогала.

А тут, только карета во двор въехала, и жизнь в Эшбахт вернулась.

Бригитт первая в дом взбежала, яркая, простоволосая, хоть и немолодая уже, но ей можно волосами хвалиться, так как незамужняя она, а волосы у нее красоты необычайной. Волков встал с кресла, а она села пред ним в книксен, голову склонила и, не скрывая, что рада его видеть, схватила его руку и поцеловала, так долго держала руку его, что Мария это заметила. Девка эта все замечала, что в доме происходило.

– Я Богу за вас молилась, господин, – говорила Бригитт, нехотя отпуская его руку. – Я с самого начала знала, что вы врага одолеете.

– Я очень по вам скучал, госпожа Ланге, – негромко сказал он ей в ответ.

– Честно? – И веснушки на ее лице и шее залило красным.

– Богом клянусь, что думал о ваших волосах. И не только о них.

Бригитт женщина уже взрослая, ей уже двадцать шесть, кажется, а на улицу убежала как девочка, бегом кинулась.

Суета, дворовые мужики сундуки тащат наверх в покои, Бригитт их бранит, если стены углами задевают, царапают.

А вот и госпожа Эшбахт в дверях появилась. Едва кивнула мужу и через губу, как одолжение сделала, спросила:

– В добром ли вы здравии, господин мой, не ранены ли вы?

При этом едва присела, в тоне даже намека на интерес нет.

Волков взял ее за руки, обнял, а она лицо отворачивала.

– Я в порядке, хворал немного от старой раны, но сейчас хворь прошла. А вы как, госпожа моя?

Госпожа Эшбахт молча поморщилась, потребовала у Марии вина, так как в дороге ее укачало. И лишь получив желаемое, сказала:

– Дорога дурна: ухабы, холод, лужи ужасные, – устала от нее. – Элеонора Августа скинула шубу и уселась в кресло у стола пить вино. – То всё вы виноваты, гоняете меня туда-сюда. И отчего вы мне не велели в доме папеньки жить? Отчего я как странница жила в чужом доме?

– Разве вам плохо было в доме доброго епископа?

– Плохо. Почему мне в моем доме не жить? В доме отца?

– Так мне было спокойнее, – ответил Волков.

Мог бы он сказать ей сейчас, что в большом доме своего отца она себе и помимо Шауберга еще кого-нибудь из старых своих знакомцев могла сыскать да в постели своей приютить, но не стал ей такого говорить, чтобы не злить еще больше.

– А мне было бы спокойнее, если бы вы замок имели и я не бегала от всякого разбойника как бездомная. – В эту фразу Элеонора вложила всю желчь, которая в ней была, все свое дурное самочувствие.

– Я постараюсь построить замок, госпожа моя.

– Ох, увижу ли я его, ваш замок! – Женщина встала и пошла наверх, распорядившись: – Мария, вели мне воду греть и скажи, чтобы белье и рубахи мне чистые несли.

* * *

А к ужину она вообще не вышла. Волков сел ужинать с Бригитт, но тут приехал Бертье со своими людьми. Дворовый мужик сообщил, что ротмистр на дворе желает видеть господина, и Волков, зная, какую большую работу проделал Гаэтан, в награду велел звать офицера к столу.

Бертье пришел в дом невыносимо грязным и провонявшим конем. Даже кавалер это почувствовал, уже не говоря про госпожу Ланге, которая хоть и улыбалась ротмистру душевно, но исподтишка морщила свой веснушчатый носик. При Бертье был большой звенящий железом мешок, который тот опустил на пол и поклонился.

– Так идите же к нам, ротмистр, – продолжал приглашать его Волков.

– Не посмею, – отвечал Бертье, косясь на Бригитт. – В следующие разы непременно отужинаю с вами, господа. Лучше вы, кавалер, ступайте ко мне.

Волков встал и подошел к нему. Бертье же присел на корточки и стал из мешка доставать части хорошего доспеха. Кавалер сразу признал этот доспех: одну его часть, а именно наголенник с коленом, ротмистр ему уже показывал недавно.

– Доспехи барона? – скорее констатировал, чем спросил Волков.

– Его, – ответил Гаэтан Бертье, выкладывая панцирь и вытаскивая из мешка отличную кольчугу из мелких паяных колец. По рукаву и подолу железной рубахи шло изысканное золочение. – Кольчуга не хуже вашей, такой ни у кого в округе не было, кроме как у барона.

– Перчатки его, – согласился кавалер, сам присел у мешка и взял из него в руки латную перчатку. – А это чья?

– Думаю, Рёдля, – ответил Бертье, – я нашел ее там же, где и весь этот доспех.

– То есть не у холмов, где мы дрались?

– Нет, дальше на северо-восток, ближе к лачуге монаха, но не доезжая до границы.

Волков молча кивал, понимая, о чем говорит ротмистр.

– А голову не находили?

– Нет, ни шлема, ни головы Рёдля я не сыскал, как, впрочем, и тела барона тоже.

– Тело барона уже в замке Баль, – заметил Волков и с удовольствием наблюдал, как меняется лицо ротмистра.

– Барона нашли? Кто же? – искренне удивлялся Бертье.

– Понятия не имею, может, он сам нашелся?

– Сам? – продолжал удивляться ротмистр. – Как сам?

– А вот так. Барон жив, хотя и тяжко хворает после раны.

– Ну уж… – произнес Бертье задумчиво. – После арбалетного болта в лицо любой прихворнет.

– Это так.

– А вы не спросили у него, что случилось с кавалером Рёдлем?

– Нет, я не видел его. Брюнхвальд и Гренер отвезли тело, так их какой-то господин даже на порог замка не пустил. Забрал убитого, поблагодарил, и все.

– Все это странно, не кажется ли вам, кавалер? – спросил Бертье.

– Более чем, Гаэтан. – У Волкова начала ныть нога, и он поднялся с корточек. – Более чем. Оставьте доспехи мне, я отвезу их и попробую увидеться с бароном.

– Хорошо, тогда я, пожалуй, пойду, – отвечал ротмистр, тоже вставая. – До свидания, кавалер.

– До свидания, друг мой. И кстати, доля ваша из добытого будет для вас приятна. Заберете ее у Брюнхвальда.

– Отлично, деньги мне окажутся кстати.

Они пожали друг другу руки, и Бертье ушел.

А Волков вернулся за стол доедать простую жирную похлебку из старого петуха и клецок, заправленную жареным луком.

Когда никто не видел, Бригитт положила свою тонкую руку на его руку и произнесла негромко:

– Желаете ли ночевать у меня сегодня, господин мой?

Он руку свою не убрал, хоть совсем рядом, в соседней с обеденной залой комнате, Мария ругала дворовую девку. Не убирая руки, он спросил:

– А благоприятны ли сегодня дни у жены моей?

Бригитт сразу изменилась, стала строга и поджала губы, руку с его руки убрала и лишь после этого сказала:

– В точности не знаю, может быть и так.

– Тогда сегодня я буду ночевать у жены.

– Доброй ночи вам, – ответила красавица и встала из-за стола.

Волков вздохнул, но ничего поделать он не мог. Может, он и сам предпочел бы постель, где по перинам и подушкам будут пламенем гореть красные локоны. Но прежде всего дело, а после уже прихоти. Ему нужен наследник, законный наследник. И поэтому он будет, когда нужно, спать в покоях своей законной жены, как бы ни взбрыкивала эта красивая рыжая кобылка.

* * *

Он поднялся по лестнице и без стука вошел в покои почти на цыпочках.

– Не крадитесь, вы все равно топаете, как рыцарский конь, – сказала Элеонора Августа раздраженно.

– Вы не спите, моя госпожа? – вежливо спросил Волков, присаживаясь на край постели и раздеваясь.

– Не сплю! Вас дожидаюсь.

– Рад это слышать!

– Не радуйтесь, не от благосклонности жду я вас. Я после дороги недомогаю, но знаю, что вы придете за своим, вот и терплю, не смыкая глаз.

– Очень жалею, что заставил вас ждать.

– Не жаль вам. И если бы я и спала, вы бы разве не разбудили меня? Разве вы бы хранили мой сон?

– Увы, моя госпожа, – отвечал кавалер, – не хранил бы. Мы с вами должны сделать дело, что требуют от нас законы людские и божьи.

– Так делайте и дайте мне спать. – Элеонора Августа откинула перину. – Что мне сделать, чтобы вы быстрее начали?

– Что? – немного растерялся кавалер.

– Ну, что делать мне? Может, встать по-собачьи, просто лежать или снять рубаху, чтобы вы свое дело быстрее закончили? – говорила жена с заметным раздражением, подбирая подол рубахи и сгибая ноги в коленях.

– Просто лежите, – ответил Волков все так же растерянно, – я постараюсь не задерживать вас.

Глава 8

Агнес, как ни хотелось ей, все время вида нового, прекрасного не носила. Она была умной девицей, понимала, что нужно и в своем обличье ходить. Тем более что те, кто ее знал и помнил, в новом обличии красавицы темноволосой ее просто не признали бы. Да и опасно это было. Вдруг кто из знакомцев или соседей, что видят ее из окон домов, с удивлением заметит, что девица, что жила рядом, стала совсем другой. А принимать вид, который ей нравится, она научилась почти мгновенно. В иное утро как проснется, так еще под периной, не вставая с постели, обращалась она в красавицу и, лишь обратившись, вставала и шла к зеркалу проверить, так ли все, как ей надобно. И почти всегда было все хорошо.

И теперь она проснулась от колоколов и, едва потянувшись под жаркой периной, сразу стала менять себя, чуть приподнимая перину, чтобы видеть изменения. Ей нравилось смотреть, как грудь, живот и бедра становятся другими прямо на глазах. И ничего, что от этого у нее была ломота по телу, словно от вчерашней тяжкой работы, это с утра всегда так, сейчас ломота утихнет, как только тело ее закончит меняться.

Агнес, наконец, откинула перину и встала с кровати. Ох, как хорошо ей сейчас, она опять потянулась, новая ее грудь, не в пример настоящей груди, качнулась, вздрагивала манящей тяжестью при каждом шаге. Девушка босая подошла к зеркалу, осмотрела себя с ног до головы. Хороша, придраться не к чему, так хороша, сама бы такую возжелала. Ну, разве что волос погуще внизу живота себе сделать.

А колокола, что разбудили ее, всё звонили и звонили. Агнес посмотрела на дверь.

– Ута!

Она ждала, но никто ей не отвечал. Тогда девушка подошла к двери, отворила ее и закричала грозно:

– Ута! Где ты?

– Тут, тут, госпожа! – Снизу, с лестницы, донеслись испуганный голос и тяжелое топанье. – Рубаху вам готовила свежую. – Прибежала, запыхавшаяся, поклонилась.

– Отчего колокола бьют, праздник какой? Так я не помню никаких праздников.

Агнес все праздники знала. До Рождества еще несколько дней, а других праздников нет сейчас. Ута только таращила свои коровьи глаза. Она не ведала, почему все утро в городе на всех колокольнях звонят колокола. Конечно, откуда этой дуре дебелой знать.

– Не знаю, госпожа, – наконец ответила служанка.

– Ты никогда ничего не знаешь, собака ты глупая, – проговорила без всякой злости Агнес.

– Пойти узнать? – уставилась на нее служанка.

– Иди уже, – отослала ее девушка, – но сначала одежду подготовь.

Ута, топая по лестнице, сбегает вниз, и Агнес идет вслед за ней. Как была босая, нагая и простоволосая, так и выходит к большому столу. Тут тепло, у плиты суетится горбунья Зельда. Она поздоровалась с госпожой. Конюх Игнатий сразу ушел, то ли в людскую, то ли на конюшню, он никогда тут не оставался, если появлялась госпожа.

– Что госпожа желает? – спросила горбунья. – Вчерашний заяц, печенный в горшке, остался. Есть яйца вареные, колбаски, можно бекона пожарить, хлебец свежайший булочник принес.

Агнес еще не знала, чего она хочет. Девицу некому было одернуть, и села она так, как сидеть девушке совсем не подобает. Развалилась сама на подушках, что были на стуле, а ногу одну положила на подлокотник стула. Сидела, кудри свои роскошные на палец наматывала. И спросила:

– А пряник у тебя есть?

– Есть, госпожа, – спокойно отвечала Зельда, ее в поведении госпожи уже давно ничего не удивляло. Ни изменения в облике, ни странные занятия наверху, ни то, что юная дева по дому нагая ходит. Зельда давно поняла, с кем имеет дело, с тех самых пор, как юная госпожа, еще почти девочка, заставила ее искать себе мандрагору. Так что пусть она сидит в своем доме как хочет. – Велите подать пряник?

– Ну, подай, – произнесла Агнес так, словно Зельда ее уговаривала этот пряник взять.

Кухарка налила в красивую миску молока, которое совсем недавно принес молочник, взяла молока с самого верха, самого жирного, и достала четверть пряника, что делал пряничник Ланна, – кусок был величиной с ладонь взрослого мужчины. Раньше госпожа нипочем бы такой не съела, но с тех пор, как она все время меняла облик, стала девушка есть едва ли не вдвое больше прежнего. Горбунья поставила перед госпожой миску и положила твердый пряник краем в молоко, чтобы размокал.

– Еще что-нибудь пожелаете?

– Отчего колокола бьют, знаешь? – спросила Агнес.

– Нет, госпожа, ни молочник, ни булочник тоже не знали, – отвечала кухарка.

Наконец, Агнес опустила ногу с подлокотника и схватила пряник из миски, стала его есть. Пряник еще в молоке не размок как следует, так она его грызла белыми своими зубами.

Зельде нравился аппетит госпожи в последнее время. Не зря она старалась и готовила. Госпожа ела все, ела много, ела с удовольствием. И иногда, хорошо поев, девушка говорила:

– Ох, накормила, накормила. Как буду варить зелье, что мужчин привлекает, отолью тебе немного.

Зельда отвечала ей:

– Да я и так вам, госпожа, готовить рада.

А сама краснела и очень надеялась, что госпожа своих слов не забудет. Очень горбунье нравилось это зелье.

Пришла Ута, раскраснелась, глаза вытаращены, видно, что весть ее взволновала. Стоит у стола, ждет, когда госпожа на нее внимание обратит. Видно, что вестью ей поделиться не терпится.

– Ну, – говорит Агнес, отрываясь от пряника и облизывая губы от молока, – что за звон?

– Госпожа, не поверите, колокола звонят в честь вашего дядюшки.

– Что? – Агнес поначалу даже не поняла, о чем речь идет. – Какого еще дядюшки?

– Иероним Фолькоф, рыцарь божий, в далеких землях побил горных еретиков, о чем всем добрым людям, что чтят святую матерь церковь, знать надобно, сейчас во всех храмах читают за здравие ему.

Агнес бросила твердый еще пряник в миску и спросила с удивлением:

– Что? Что ты там несешь, корова ты говорящая?

– Да мне остиарий нашей церкви сам сказал, – продолжала Ута на удивление уверенно. – Иероним Фолькоф, рыцарь божий, бил еретиков горных, в честь него и звонят.

– Одеваться мне подавай, – сразу велела девушка, вставая из-за стола. – Одежду для старого обличия.

Теперь ей нужно было вернуть свой настоящий вид. Она подумала, что могут быть к ней гости. Вернуть свой вид – это было совсем легко, нужно просто себя не «держать», и ты из темноволосой высокой красавицы, переполненной красотой и жизнью, возвращаешься в свой обычный вид мелкорослой худосочной девицы с обычным лицом, тощими бедрами и лобком с редкими серыми волосиками.

Агнес взбежала вверх, к зеркалу. Пока бежала, превратилась в себя настоящую. Встала у зеркала, губы скривила. Ну уж нет. Это невыносимо. После полногрудой и крутобедрой Агнес настоящая мышью серой кажется. И тогда стала себя править, чтобы похоже было на настоящую Агнес, но и так, чтобы поярче быть. Постояла немного, повертелась перед зеркалом, все

в меру: и лик ее остался, и красоты прибавилось. Вроде и она, а вроде и милее вышла. И губы полнее, нос красивее, рост выше, не удержалась, волос, бедер и груди прибавила. Ладно, пойдет, остальное помадами и румянами пририсует.

Пока одевалась, поняла, что для вида этого платье ее маловато и грудь наружу лезет, а еще коротковато стало. Ох, на все ее обличья платьев не напасешься. Снова подошла к зеркалу. Ну ничего, зато хороша. Хорошо, что грудь такую сделала, она сразу в глаза бросается. Пока изменяла себя да одевалась – устала, есть захотела.

Как только на первый этаж спустилась, как только велела Зельде колбасы жареной подать, так пришел кучер Игнатий и сообщил, что у ворот стоит банкир, хозяин дома, спрашивает, примет ли она его.

– Молодой или старый? – уточнила девушка.

– Молодой, госпожа, – ответил Игнатий.

Это хорошо, что молодой. Это Энрике Ренальди, роскошный и утонченный, всегда прекрасно одетый и обходительный старший сын главы банковского дома Ренальди и Кальяри. Молодым его можно было считать отчасти, ему уж было за тридцать пять лет, но на фоне седого шестидесятилетнего старика Кальяри он казался молод.

Кальяри Агнес не любила за то, что тот никогда не разговаривал с ней про кавалера, не называл его «ваш дядюшка». Видно, знал старый мерзавец, что Агнес рыцарю никакая не племянница. А вот обходительный и утонченный Ренальди всегда упоминал рыцаря не иначе, как ее дядю, и поэтому девушка была рада ему, а не противному старикану.

– Зови, – велела Агнес, вставая и идя к двери.

Ее никто этому не учил, но она знала, что важных гостей нужно встречать на пороге дома, а не сидя за столом.

– Ах, как вы похорошели, юная госпожа! – Банкир снял берет и кланялся ей.

От него пахло духами, а пышным кружевам, что торчали из ворота расшитого колета, позавидовали бы все модницы Ланна. Явно кружева были не местные, как и приталенная шуба, обшитая синим атласом.

– Рада вас видеть, господин Ренальди, в добром здравии. Как ваша жена, как дети, не хворают ли? – Агнес протянула ему руку.

– Слава богу, слава богу, – говорил банкир, беря ее руку своею, что была затянута в дорогую перчатку из тончайшей черной замши. Он целовал ее пальцы. – Все мои домочадцы здоровы. Надеюсь, и вы во здравии.

– Я тоже здорова, – отвечала Агнес. – Прошу вас к столу. Велите подать вам завтрак?

– Нет-нет, – отвечал банкир, присаживаясь, – только глоток вина.

Зельда кинулась исполнять его волю, не дожидаясь приказа госпожи. Ута стояла в дверях, прячась за косяком и стараясь услышать господский разговор. Агнес уселась на свое место и была вся внимание.

– Рад был слышать, что дядюшка ваш опять прославился. По всем честным землям славят победу его, – начал Ренальди.

– Дядюшка мой в стремлениях своих непреклонен и неутомим и в вере своей тверд, посему Господь ведет его, – с гордостью за «свою» фамилию говорила Агнес.

– Истинно так, истинно так, – кивал банкир, снимая перчатку и беря принесенное вино. – Мы знаем о силе веры вашего дядюшки, люди со слабой верой из тех проклятых мест, откуда он приходил с победами, вовсе не возвращаются.

Девушка согласно кивала.

– Мы, дом Кальяри и Ренальди, – продолжал банкир, – хотим выразить свою благодарность рыцарю за подвиги его и за славу, что он несет оружием своим матери церкви, и в благодарность за это сделать для фамилии его посильный приз.

Агнес любила призы и очень хотела знать, что за приз для «ее» фамилии учредили банкиры. Но на лице девушки и намека на любопытство не было, только вежливая улыбка.

– Мы решили не взимать плату за аренду дома за следующий месяц, – сказал Ренальди.

«Всего-то? – подумала Агнес. – Впрочем, и то хорошо, денег-то у меня совсем немного осталось, но могли бы и на пару месяцев освободить от уплаты». Но лицо ее не выразило ни единого чувства, все так же было спокойно. И она сказала ему:

– Хоть дядюшка и не оставляет меня вниманием своим, хоть и нет для меня в том нужды, но приз ваш я принимаю с радостью. Спасибо вам, господин Ренальди.

Тут банкир полез к себе в шубу и достал красивую бархатную тряпицу, красный бархат он положил на стол, рядом с тарелкой Агнес.

– Это вам лично, юная госпожа, – сказал он с улыбкой.

Агнес очень хотелось знать, что там, аж ладошки зачесались, но вида она опять не подавала, не к лицу ей, девице из славной фамилии, волноваться и суетиться. Тряпицу она не тронула и пальцем, а спросила:

– И что же там?

– Прошу вас взглянуть на эту чудную вещицу, – сказал банкир и, видя, что девушка не разворачивает тряпицу, развернул сам. – Это работа одного из лучших мастеров, что сейчас живы, это работа Пауло Гвидиче.

На бархате лежал и вправду удивительной красоты серебряный браслет с золотыми подвесками в виде святых ликов. Ах, как он был хорош. И конечно, он пришелся Агнес впору.

– Прошу вас, юная госпожа, примерьте, – ласково говорил Ренальди.

Агнес надо было сначала вежливо поблагодарить, но не выдержала, схватила браслет и, чуть-чуть осмотрев, начала его приспосабливать к левой руке, а Ренальди вскочил и стал ей помогать с застежкой.

Да, браслетка с изображениями ликов святых была великолепной. И маленькие золотые иконы так красиво свешивались и болтались с легким позвякиванием, что хотелось трясти и трясти рукой. Девушка улыбалась и была весьма довольна подарком.

Видя, что застежка крепка, а подарок произвел должное впечатление, банкир сел на свой стул, отпил вина и вкрадчиво заговорил:

– Юная госпожа, вы молоды и красивы, не буду ли я дерзок, если поинтересуюсь о ваших привязанностях?

– Что? – Агнес подняла руку и потрясла ею, с улыбкою глядя на браслет. – Что вас интересует, господин Ренальди?

– Вы молоды, и не только я хотел бы знать: не занято ли ваше сердце? Есть ли кто-нибудь, кто претендует на него?

– Отчего же вы спрашиваете меня об этом? – удивилась Агнес.

– Оттого, что вы уже давно в тех годах, – он взглянул на нее и, несомненно, заметил, что платье в груди ей уже мало, – когда юным девам пора подумать о спутнике, с которым они пройдут путь, отпущенный им Господом.

Агнес поняла, о чем он, и теперь смотрела на гостя еще более удивленно.

– Так разве вы, господин Ренальди, не женаты?

– Ах, что вы! – Банкир засмеялся. – Конечно же, я женат, речь идет не обо мне. Моему третьему сыну в нынешнем году исполнится пятнадцать, и поэтому и я, и мой отец, и мой дядя – все интересуются, не свободно ли ваше сердце, не может ли мой сын стать претендентом на вашу руку?

Агнес от такой неожиданности растерялась и даже разозлилась немного. Видно, от этого, чуть помолчав, проговорила немного резко:

– Девушки нашей семьи сами себе женихов не выбирают. Вам нужно с дядей моим говорить, как он решит, так и будет.

– Да-да, – кивал банкир, – в этом мы не сомневались, просто, прежде чем писать вашему дядюшке, хотели узнать, нет ли у вас каких предпочтений.

– У меня никаких предпочтений нет. И сердце мое никем не занято, – говорила Агнес строго. – И я хоть и живу одна, но держу себя в божьем и праведном целомудрии.

– Да-да, – понимающе кивал банкир, – ни секунды в этом мы не сомневались.

– И коли вам надобна рука моя, так говорите с дядей, если же он решит, что ваш сын для меня хорошая партия, так тому и быть.

– Я понял, понял, – соглашался банкир. – А когда дядя ваш намеревается быть в Ланне?

– То мне неведомо, но знаю я, что дядя ведет войну. Думаю, что вскорости его тут не будет.

Отчего-то тут девушке вдруг стало даже обидно. И вправду, сколько писем господин написал ей за все время? Сколько весточек присылал? Один раз приезжал Максимилиан, да один раз этот противный одноногий Роха. Большего она и припомнить не смогла. И о его победах узнает она вот так, как сейчас, – от посторонних людей да через церковные колокола. А Брунхильда, кобыла эта, графиня из свинарника, все знает. Она во дворце живет и с господином уж связь имеет. Это он ее в графини пристроил, не иначе. Девушка вздохнула. Что ж, значит, ей самой придется себе дворец подыскивать, уж ей никто помогать не будет.

– Госпожа Агнес, – вернул ее внимание банкир, – коли вам угодно, то мы рады будем видеть вас у нас на ужине послезавтра.

– Послезавтра? – спросила девушка. Она взглянула на мужчину. Да, никто ей дворца не подарит, все придется делать самой. Да и захотелось ей взглянуть на того, кого ей прочат в женихи. – Послезавтра я буду у вас.

– Прекрасно. – Энрике Ренальди улыбался. – Дом Ренальди будет ждать вас.

– Господин Ренальди, а знакомы вы с епископом Бернардом? – вдруг спросила девушка.

Банкир даже растерялся, видно, совсем оказался не готов к такому вопросу.

– С Бернардом?

– Да, с настоятелем храма Святого Николая-угодника знакомы?

– Да, знаком, – наконец произнес Ренальди.

Агнес в словах банкира почувствовала удивление и даже замешательство, но это ее не останавливало. Девушка кое-что прознала про епископа, но то были слухи, ей хотелось знать, насколько они правдивы.

– Говорят, сей святой отец преуспел в теологических знаниях и знаменит острым умом своим.

– Заменит умом своим? – Тут банкир даже осмелился улыбнуться.

– Да, – уверенно продолжала девушка, несмотря на его усмешки. – И он настолько тверд перед грехами и соблазнами, что ему доверили патронат и прецепториат над женским монастырем кармелиток, что находится тут, в Ланне.

– А, ну, это так, это так, я слыхал об этом, – серьезно сказал банкир.

– Сможете ли вы представить меня святому отцу? – спросила Агнес.

– Конечно, буду рад служить вам, – отвечал Ренальди.

– А я буду вам признательна. – Девушка учтиво улыбнулась. – И обязательно буду у вас на ужине послезавтра.

– Мы будем тому очень рады, молодая госпожа! – Банкир встал и начал кланяться.

Когда он ушел, Агнес вдруг стало еще печальнее. Нет, не из-за дворца, а из-за того, что у нее и платьев-то хороших идти в свет не было. Имелось одно, так его уже весь город видел, да и подол на нем обтрепался. И еще при новом росте, который ей теперь нравился, платье то коротко оказалось. И главное – денег, денег у нее было мало, совсем мало. А кобылица Брунхильда в замке живет, графиня! И платьев у нее уйма, и всего у нее уйма. Агнес тут стало

себя жалко, захотелось плакать. Так захотелось, что едва сдержала слезы. И она поняла, кто за все ее беды ответит.

– Ута, корова дебелая, сюда ступай.

– Да, госпожа. – В дверях появилась служанка, она уже по тону хозяйки знала, что надобно ждать беды.

– Я тебе велела у платья золотистого подол обметать – ты сделала или я, как холопка, буду и дальше с нитками на подоле ходить? – спокойно и медленно спросила Агнес.

От этого спокойствия похолодела спина у служанки, она знала, чем обернется это спокойствие.

– Так вы то платье не снимаете, госпожа, – лепетала Ута, – я так думала, как постираем его, так я подол и обметаю.

– Думала ты? – спросила Агнес с улыбкой и встала из кресла. – Подойди-ка ко мне.

– Госпожа, – захныкала Ута.

– Сюда, я сказала! – взвизгнула Агнес.

Глава 9

Все возвращается на круги своя. Ночью вода в лужах замерзла, глина тоже. А к утру, хоть и солнце взошло, все равно не потеплело.

Лужи – лед. На глине сверху ледяная корка. Слава богу, что перед походом на горцев Максимилиан расстарался – привез кузнеца, и всех коней перековали на зимние подковы. С летними сейчас было бы плохо.

Пальцы мерзнут в перчатках. Волков берет поводья в левую руку, правую прячет под шубу, чтобы отогреть. Хорошо, что Бригитт дала ему каль – легкую шапочку с тесемками под берет, он еще брать не хотел стариковскую одежду, а теперь благодарен рыжей красавице. Ветер с проклятых гор заливает все холодом, а берет у кавалера не для тепла, для красоты. Каль только и выручает.

С юга дул и дул ветер. Южный ветер теплый? Нет, никогда ветер с гор не бывает теплым. Хоть кругом заросли кустарника, вроде ветру и разгуляться негде, а все равно все вымораживает вокруг. Не прошло и часа, они еще до лачуги монаха не доехали, а в ноге начались прострелы. Боль в старой ране может утихнуть, но никогда уже не пройдет окончательно. Вот она и вернулась. Волков трет ногу выше колена, на мгновение боль отступает. Но только на мгновение, потом опять вернется и будет изводить до конца поездки.

Он едет дальше. За ним брат Ипполит на низеньком мерине, с ним же и Максимилиан, и молодой Гренер, и красавец фон Клаузевиц, и Увалень. Хотел еще взять Сыча, у того глаз на людей есть, он их видит, но Фриц Ламме до сих пор не отошел от тюрьмы, не отъелся. Худой, беззубый, взгляд какой-то загнанный. Пусть пока дома посидит.

Дверь у лачуги открыта, ее перекосило, даже ветром не шатает.

Максимилиан, не слезая с коня, заглядывает внутрь.

– А клетки-то нет уже.

Клетка у монаха была из железа. Железо – вещь недешевая. Клетка еще и с замком была. Конечно, утащили ее. Те же люди Рене и Бертье унесли: до поля, на котором они растили рожь, отсюда всего час ходьбы.

– Бог с ней, с клеткой, поедем дальше, нам еще три часа до замка барона скакать, – сказал Волков.

Никто ему не возражал.

* * *

Зря он скакал по холоду, зря ногу морозил. В замок их не пустили, даже ворота не распахнули. Заставили на ветру ждать, ни вина, ни хлеба не предложили с дороги. То было невежливо, но Волков стерпел, понимая, что барону сейчас не до визитов.

Стражник вышел из ворот, забрал мешок с доспехами барона и сказал:

– Господин сейчас к вам спустится.

– Господин? – не понял Волков. – Барон к нам спустится?

– Нет, не барон, к нам пожаловал господин Верлингер, дядя барона из Вильбурга. Он велел передать, что к вам выйдет, как только поговорит с доктором.

Сказав это, солдат взвалил мешок на плечо и скрылся в воротах замка, а кавалер и его люди остались у ворот, на ветру. Опять пришлось ждать у закрытых дверей.

Долго стояли, в замке словно ждали, что незваные гости замерзнут, что им надоест и они уберутся прочь. Но Волков ехал сюда четыре часа и уезжать, ничего не выяснив, не собирался.

Он спешился и ходил не спеша, кутался в шубу, поднимая воротник, и «расхаживал» ногу, надеясь, что та перестанет ныть.

Наконец, тяжелая створка ворот, скрипнув, отворилась, и к ним вышел немолодой господин, был он бледен и кутался в одежды от ветра.

– Господин Фолькоф?

– Господин Верлингер?

Они раскланялись, и пожилой господин заговорил:

– Фамилия Баль признательна вам за вашу заботу, кавалер. И наша фамилия горда тем, что представитель ее имел честь плечом к плечу с вами и другими добрыми господами нашей земли участвовать в столь знаменитом деле, что было у холмов.

– И я рад, что в трудную минуту член вашей славной фамилии пришел мне на помощь, – поклонился Волков. – Как самочувствие барона?

– Он тяжек, – сухо ответил дядя барона.

– А смогу ли я с ним поговорить? Прискорбный случай, что приключился с кавалером Рёдлем, был на моей земле. И на мне, как на господине той земли, лежит ответственность за случившееся.

Господин Верлингер скривился и мотнул головой, демонстрируя отказ.

– Сие невозможно. Барон чаще бывает в беспамятстве, чем в чувствах.

– У него жар? Наконечник болта удалили? – проявлял заинтересованность кавалер.

– Да, наконечник болта удален, – явно нехотя говорил господин Верлингер. – И у него жар, рана воспалена.

– Со мною отличный врач, – продолжал Волков, – он может осмотреть рану.

– Я благодарен вам, кавалер, но у нас тоже врач не из последних, – заносчиво отвечал дядя барона.

Дальше предлагать что-либо или просить о встрече было бы невежливым, но вот задать пару вопросов Волков еще мог.

– Господин Верлингер, а как же барон вернулся сам в замок со столь тяжкой раной? Они с кавалером Рёдлем уехали вдвоем, кавалера Рёдля мы нашли без головы, голову так и вовсе не сыскали, хоть искали два дня. Доспехи барона нашли. А сам он как-то добрался до замка.

– Приехал, – сухо отвечал Верлингер, – сам приехал. Вы тут человек новый, видно, того не знаете, что барон был известен всем как самый крепкий человек графства.

– А про кавалера Рёдля ничего сказать он не успел?

– Нет, – ответил Верлингер тем тоном, которым люди обычно желают закончить разговор.

Дальше говорить смысла не было.

– Еще раз выражаю вашему дому мою благодарность, – произнес Волков, кланяясь, – все мы будем молиться за скорейшее выздоровление барона. И о том же я буду просить и епископа Малена.

– Дом Баль принимает вашу благодарность не как вежливость, а как дружбу, – важно сказал дядя барона.

На этом все было закончено, дело вышло пустое. По сути, Волков мог отправить солдата с телегой, в которой тот привез бы в замок доспехи барона. Смысла тащиться в эту даль самому у него почти не было.

Ну, разве что на обратном пути, когда они проезжали мимо кузницы, кавалера догнал кузнец Волинг и просил разрешения говорить.

– Говори, – разрешил Волков, останавливая коня.

– Господин, дозвольте узнать, будет ли у вас в Эшбахте место для моей кузни?

– Ты что, хочешь переехать в мою землю? – удивился кавалер.

– А что же, – говорил кузнец, ничуть не смущаясь и не понимая удивления рыцаря, – народу у вас много, купчишки через вас поехали, говорят, пристань ставите, а на пристани уже корзины с углем стоят. И солдаты у вас живут. Без дела не останусь.

– Неужели у тебя тут мало работы? – не верил Волков.

– И работы тут мало, и уголь покупаю втридорога. – Кузнец Волинг сделал паузу и потом прибавил с опаской: – Да и жить что-то тут совсем стало страшно.

– Страшно? Отчего же?

– Да как же отчего?! Мужики из замка говорили, что кавалера Рёдля без головы привезли, а голова у него была не отрублена. Говорят, то зверь опять озорничал. А разве вы о том не знаете? – Волков молчал, просто смотрел на кузнеца, и тот, не дождавшись ответа, продолжал: – Вот я и думаю, если благородных людей зверь кушать надумал, то что уж нам, простым, остается. Так что прошу у вас разрешения кузню к вам привезти. А чтобы звоном вас не беспокоить, я ее поставлю у края Эшбахта, на выезде к реке.

– Нет, не дозволяю, – нехотя отказал Волков.

– Не дозволяете? – искренне удивился кузнец. – Я же кузнец, а кузнец очень в хозяйстве полезен. Я даже готов вам деньгу платить, какую оговорим, за аренду земельки.

Волков уже повернул коня и поехал, а Волинг что-то еще говорил, в чем-то его убеждал.

Конечно, кузнец был прав. Он мог бы приносить Эшбахту большую пользу, и кавалер сам думал найти себе кузнеца или перевезти своего из Ланна. Вот только не мог он у другого господина из земли уводить мастера. Ни мужика, ни бондаря, ни пивовара, ни сыровара, ни кожевенника уводить у соседа нельзя. А тем более нельзя уводить кузнеца. Иначе прослывешь соседом недобрым. А уж уводить мастера из земли того, кто пришел к тебе на помощь в трудную минуту, так еще и нечестным прослывешь и неблагодарным.

* * *

Они вернулись к вечеру замерзшие, уставшие и очень голодные. А еще и злые, так как ничего не смогли выяснить. Во всяком случае, Волков был зол. А как вошел в дом – увидал мальчишку лет четырнадцати, был он одет в цвета дома Мален и разговаривал он с женой его. Сразу кавалер подумал, что гонца прислали к ней из дома. Не к добру это было, ему это не нравилось.

– От графа? – спросил он у Бригитт, которая вышла снимать с него шубу.

– От графини, – ответила та, забирая шубу. – Привез письмо, никому взглянуть не дает, говорит, что только вам в руки даст.

Волков вошел в комнаты, поклонился жене и сразу отвел юношу в сторону.

– Кто вы такой?

– Меня зовут Теодор Бренхофер. С соизволения графа Малена назначен пажом графини Мален, – говорил юноша со всей возможной важностью. – Надеюсь, вы – господин Эшбахт, брат графини?

– Да. Давайте письмо, я Эшбахт, я брат графини.

Юноша достал из-под колета бумагу с сургучом, протянул Волкову.

– Извольте.

Кавалер тут же сломал сургуч, подошел к подсвечнику. Графиня писала плохо, неровно и с ошибками, письмо явно давалось ей с трудом, но это была ее рука, видно, никого не решалась просить помочь ей в написании. Он стал читать:

> *«Брат мой и господин мой, дворовые были рады, как услыхали, что безбожных горцев вы сильно побили. От них я о победе вашей узнала, а не от мужа и родственников. Но молодой граф настрого запретил дворовым и*

слугам о ваших победах говорить и им радоваться, злился от этого. А еще я однажды слышала, что ругал он вас псом бездомным и безродным, поповским прихвостнем. Говорил, что от вас одна в земле суета ненужная, что герцог слаб, раз вас придержать не может. Но я вас с победой поздравляю и очень горжусь таким братом. И руки вам целую.

А со вчерашнего дня во дворец мужа моего съезжались разные господа со всего графства, собирал их молодой граф. И на собрание они звали мужа моего. О чем было собрание, они не говорили, держали в тайне, только пытая мужа, я узнала – сказал он, сильно нехотя, что говорили они о вас. Говорили, что вы не их, а чужой, что война с горцами никому не нужна, что победами этими вы кичиться будете, что человек вы бесчестный, так как они говорят, что Шауберга убили нечестно и поступили с ним плохо и зло. И многие говорили, что за то, как вы обошлись с Шаубергом, вас нужно звать на суд дворянской чести. И порешили, что позовут. На днях пошлют к вам гонцов. Только вы не езжайте, так как решено вас там схватить и выдать на суд герцогу Ребенрее…»

Волков оторвался от письма. «Ах, Брунхильда, моя ты умница, не зря я тебя сосватал за графа, не зря».

«А у меня без вас, брат мой, все плохо. Слуги со мной обращаются дурно, иной раз простыни мокрые на постели менять не идут, хоть зову их и зову, ужины и обеды мне в мои покои не подают, как я ни прошу, только когда муж на них прикрикнет, да и то мужа моего по старости бояться совсем перестали. Все теперь слушаются молодого графа, а он мне не друг, не любит меня, при всех, когда мужа моего нет, ругает глупой. А вчера, когда я к обеду не успела, мне от бремени дурно было, так они есть стали без меня, а когда я пришла, так сноха моя, жена среднего сына моего мужа, вскочила из-за стола, сказала, что от меня ее тошнит и что я невыносима, и выбежала. А муж мой молчал, за меня не заступался и не бранил ее, уже и сил у него нет на это, а они этим и пользуются. И уже верховодит всем молодой граф, иной раз мужа моего не зовет за советом, а сам все решает. А когда встречает меня в замке, так делает вид, что меня не видит, словно я дух бестелесный. И так я живу изо дня в день, и только в муже и в мыслях о вас утешение нахожу. А тяжесть моя уже велика, уповаю на Матерь Божью, что разрешусь к февралю или чуть позже, и ежели решит Господь, то вам к февралю племянник или племянница будет. Повитуха сказала, что мальчик, она по чреву моему так решила. Поди, врет, она стара, уже и из ума, кажется, выжила. Но в феврале всяк узнаем, если, конечно, не сживут меня со света родственнички мои. Целую ваши руки и молю Господа, чтобы увидеть вас, но в замок к нам не приезжайте, тут вас беда ждать будет. А мальчику можете доверять, он единственный, кто меня тут, в замке, жалеет.
Графиня Брунхильда фон Мален».

Глава 10

У Волкова кулаки сжались так, что скомкал он письмо, захлестнула его такая злоба, что аж вздохнуть было невмоготу. Пришлось даже о стену рукой опереться. Мальчишка-паж, что стоял рядом, был ни жив ни мертв, шевелиться боялся, видя, как лицо кавалера становилось белым, когда он чтение заканчивал. Лютая ненависть клокотала в груди кавалера, заливала его злобой до самой макушки. Всех! Всех холопов, что нашел бы в замке, всех бил бы, и не руками бил, а кол взял бы, выбивал из быдла всю их спесь вместе с поганой их требухой, а самых злобных и заносчивых, тех, что больше всех донимали его Брунхильду, так с крепостной стены кидал бы в ров. И родственничкам не спустил бы, пусть они самые благородные. Уж поганое семя Маленов не простил бы, а ту дуру, сноху, что свое бабье небрежение его Брунхильде так открыто выказывала, так солдатам отдал бы – уж потешились бы солдаты благородным мясом.

И вправду, ему двух сотен солдат хватило бы, чтобы взять замок графа. Замок этот скорее для красоты, чем для войны. Его полукартауна любую стену замка за день развалит. Только пожелай он, и все получат по заслугам. Да вот желать он этого не будет. Не поведет солдат, не потащит к замку пушки. Нет. Хоть и кипела в нем кровь, хладный ум уже брал свое. Кавалер думал и думал, что ему делать. И казалось бы, что тут поделать можно, когда, несмотря на победы твои, местная земельная знать тебя и близко своим считать не желает, а желает расправы над тобой, хоть не своими руками, так руками сеньора? «Оскалились волки, и граф молодой – их предводитель. Выскочкой меня прозывают, псом безродным, не по нраву я им. Боятся моих побед, горцев боятся, что горцы придут и в их наделы, что силен я, сильнее любого из них – все это им не по нутру».

А разве по-другому быть могло? Конечно нет, и Волков понимал это. И чтобы выжить тут, чтобы не пасть в бою с горцами, в застенках курфюрста не очутиться, ему нужно быть еще сильнее, еще хитрее. И как это ни странно, но ситуация с Брунхильдой и с ее притеснениями в замке графа была ему на руку.

Юный паж уже устал ожидать, когда кавалер наконец прекратит скрипеть зубами от злобы и что-нибудь скажет ему. И Волков разжал кулак со скомканным письмом и заговорил:

– Графиня пишет, что я могу вам доверять.

– Графиня добра ко мне, я буду служить ей и старому графу как должно, – важно отвечал Теодор Бренхофер. – Соизволите ли писать ответ?

– Нет, на словах передадите. Запомните слова мои.

Юноша понимающе кивнул.

– Госпоже графине скажите, что беды ее я принимаю как свои, что найду способ за всё взыскать с ее обидчиков.

– Беды ее вы принимаете как свои, – кивнул паж. – И за всё взыщете с обидчиков.

– И еще скажите, чтобы держалась, как могла, ибо до февраля не так много времени осталось. Рождество – и вот он уже, февраль. Скажите, что родить ей лучше в доме мужа. А уж как родит и в приходской книге запишет чадо, так можно будет и сюда уезжать, тут ей спокойнее будет.

– Я это запомнил, – кивал мальчишка. – Родить ей лучше в доме мужа, а потом и сюда в Эшбахт переезжать можно будет.

– Еще скажите, что спасла она меня, предупредив о подлости, что она любимая моя сестра и что я как никто другой жду своего племянника.

– И это я запомню.

Волков достал два талера, один протянул пажу.

– Ничего не забудьте, передайте все, как я сказал.

– Не волнуйтесь, кавалер, все передам, – обещал паж, принимая монету с поклоном.

– Берегите графиню, – продолжал Волков, протягивая ему второй талер, – и за каждую неделю я вам буду платить по монете. Будьте настороже. Если вы увидите, что госпоже графине угрожает опасность, так хватайте ее и везите сюда немедля.

– Я все исполню, как вам нужно, я не брошу графиню в беде.

– Скажите, а старый граф совсем уже без сил?

– Господин граф стал засыпать на обеде, – только и ответил паж.

Да, Брунхильда оставалась почти одна в окружении злых людей, мальчишка-паж и старый муж были не в счет. Но ей нужно было прожить там всего полтора месяца. Всего полтора месяца до родов.

– Умеете этим пользоваться? – спросил он у пажа, прикоснувшись к рукояти кинжала, что висел у того на поясе.

– Я брал несколько уроков, – уверенно сказал Теодор Бренхофер. – И еще я часто хожу в гимнастический зал смотреть, как господа упражняются.

Волков вздохнул.

– Не отходите от графини. Будьте при ней, даже когда она идет в дамскую комнату. Стойте у двери. Ее жизнь и жизнь ее чада в ваших руках.

– Я понимаю это, кавалер.

Что Волков мог еще сделать для Брунхильды? Да почти ничего. Он мог ее, конечно, забрать к себе, но тогда права графини и ее ребенка, рожденного ею вне дома, легко можно будет оспаривать. Старый граф умрет, и, зная, кому принадлежит суд в графстве, нетрудно будет догадаться, что графине и ее ребенку будет очень непросто претендовать на поместье, обещанное ей по брачному договору в случае смерти графа.

– Берегите графиню, – в который раз повторил Волков, – сейчас идите в бревенчатый дом на холме, там живут господа из моего выезда, переночуйте там, а завтра на рассвете езжайте в замок. И будьте при ней неотлучно.

– Я так и сделаю, – обещал паж.

* * *

Он ушел, а кавалер вернулся в обеденную залу, где за столом сидели Бригитт и Элеонора Августа. Они ужинали. Кавалер посмотрел на жену, а та по глупости своей еще и мину кислую скорчила, отвернулась, ему свое пренебрежение демонстрируя. Его от этого вида ее высокомерного аж передернуло. Не сгори в нем вся злоба еще недавно, так не сдержался бы, схватил бы это семя поганого рода Маленов за лицо своими железными пальцами и давил бы, пока ее челюсть не хрустнула бы. Но теперь Волков оставался холоден. Все желание ладить с женой, что появилось в нем недавно, исчезло. Он ничего ей не сказал, но в эту ночь не пошел ночевать в ее покои, чему Бригитт была рада.

* * *

Думал к себе Ёгана позвать, узнать, как дела, так тот на следующее утро сам пришел спозаранку. На дворе еще темень была, еще петухи орали, девки гремели ведрами, шли на утреннюю дойку, а он уже сидел в прихожей. Волков впустил его, даже не закончив завтрака. Управляющий был хмур, весь в делах непреходящих и заботах. Рассказал, что глупое мужичье то ли зимы такой холодной не знало, то ли скотины никогда не держало: скотине в морозы нужно подстилку из соломы делать, иначе она за ночь так промерзает, что утром кто и подняться не может на ноги. В общем, нужно коновала в Эшбахт звать, так как скоту, что господин мужичью раздал, лечение требуется. Еще говорил, что озимых хороших не выйдет, так как снега нет, а мороз землю вымораживает.

– Говорил дуракам, что глубже пахать нужно, а они: «Мы уже век пашем на ладонь, и ничего, все хорошо было». А оно вон как развернулось, теперь дураки затылки чешут.

Волков не перебивал, хотя ему сейчас было совсем не до больных коров и не до померзших озимых. Он с утра сам не свой был от письма Брунхильды. От того, что беременная она среди людей, которые ее ненавидят, и что она там почти одна, так как муж ее слаб и стар. Уповал он только на то, что ретива она всегда была и непреклонна. Может, и на сей раз выдержит. А тут Ёган со своими мерзлыми коровами, все бубнит и бубнит про нерадивых мужиков.

– Ты Брунхильду вспоминаешь? – вдруг перебил кавалер управляющего.

– О! – Ёган сделал уважительное лицо. – Оно иной раз вспоминается. Шебутная была, не то что теперь. Теперь оно вон как… Графиня – одно слово. Да, кем была – и кем стала. Вот как жизнь распорядилась.

– Сейчас она одна в замке графа, тяжко ей, – сказал Волков.

– Что? Одна? В замке? – Ёган вдруг засмеялся. – Вот уж тяжесть, графиней жить в замке при дюжине слуг, да при муже-графе, да при поварах, лакеях. Уж насмешили, господин. Тяжко ей…

Волков рассчитывал совсем на другие слова. Он хмурился, а Ёган, по простоте своей этого не замечая, снова начинал талдычить про озимые и про то, что телеги из похода пришли все переломанные, – либо колеса новые нужны, либо оси менять, ни одной целой телеги из всех, что в поход брали, нет. Что кузнеца выездного приглашать придется, а те какую деньгу за выезд просят! И что мужики ленивы и не хотят по весне снова копать канавы для осушения прибрежных болот. Что молодые господа из выезда, что живут в старом доме с попом, просят свинину каждый день, от говядины воротятся, а еще просят овса больше, а не сена.

Обрывать на полуслове старого знакомца кавалер не хотел, все-таки не чужой ему, однако Волков обрадовался, когда в покоях появляется Максимилиан с бумагой.

– Ну? – спросил он у молодого человека.

– Кавалер, письмо от епископа.

– Давай.

– Господин, – заволновался Ёган, понимая, что дальше господин будет заниматься другими делами, – а мои дела как решим? Что со скотом, что с телегами делать?

– Скот лечить, телеги ремонтировать, на все деньги дам. Что с твоими озимыми делать, я не знаю, – закончил Волков. – А мужикам скажи, что если по весне нечего будет убирать, так и есть им нечего будет.

Он уже начал разворачивать конверт, но Ёган не успокаивался:

– Господин, еще дельце есть одно.

– Говори.

– Я же детей из Рютте привез. Жену себе в дом подыскиваю, моя-то хвороба в монастырь подалась, совсем руки у нее распухли, решила, что там ей лучше будет.

– Зато у тебя дом есть свой и дети, – ободрил Ёгана Волков.

– Есть, есть, – соглашался управляющий. – Только вот я из дома выхожу – дети спят, домой прихожу – дети опять спят.

– Так от меня-то тебе чего надобно, детей твоих мне будить, что ли? – начал раздражаться кавалер.

– Да нет же, к чему это… Я про то, что мне бы помощника завести. Я думал, вот зима придет – и отдохну, хоть отосплюсь, а тут одно за одним тащится: то война, то морозы, то скот, то телеги, то жалобы, – я продыху от дел не вижу. Хозяйство-то большое.

Волков посмотрел на него, уже не скрывая раздражения.

– А жалованье из своего кармана платить помощнику думаешь?

– Не хотелось бы, – сразу открестился Ёган.

– У меня сейчас нет лишних денег, – покачал головой Волков. – Война прибытку не дает, только тянет из меня и тянет. Так что помощника можешь за свой счет нанимать.

Больше кавалер на эту тему говорить не собирался, он развернул письмо и начал читать, а Ёган, чуть повздыхав, вылез из-за стола и отправился по своим делам.

Добрый епископ писал, что за два дня до Рождества просит кавалера быть в Малене в лучшем виде своем, при знаменах и людях своих. На заре епископ хочет встретить его у ворот и с крестным ходом вести по городу, чествуя победителя. Также епископ уведомлял, что муниципия города согласна оплатить ему для шествия барабанщиков и трубачей. Еще будут городские ополченцы-стрелки палить в его честь из аркебуз – порох тоже оплачивает город.

Это письмо ободрило кавалера. Может, местная земельная знать и злится на него, ненавидит его за Шауберга или еще бог знает за что, но, пока на его стороне епископ, он будет готов к сопротивлению. Попы всегда большая сила. И своевременно пришло письмецо, очень вовремя.

Волков тут же попросил бумагу и перо, пересказал святому отцу все то, что ему рассказала Брунхильда. И то, что ее притесняют в замке мужа родственники, и то, что молодой граф собирается звать его на дворянский суд за убийство Шауберга. И попросил у епископа совета, как быть. Под конец Волков сообщил, что с радостью будет в Малене со своими людьми перед Рождеством, как того просит епископ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.